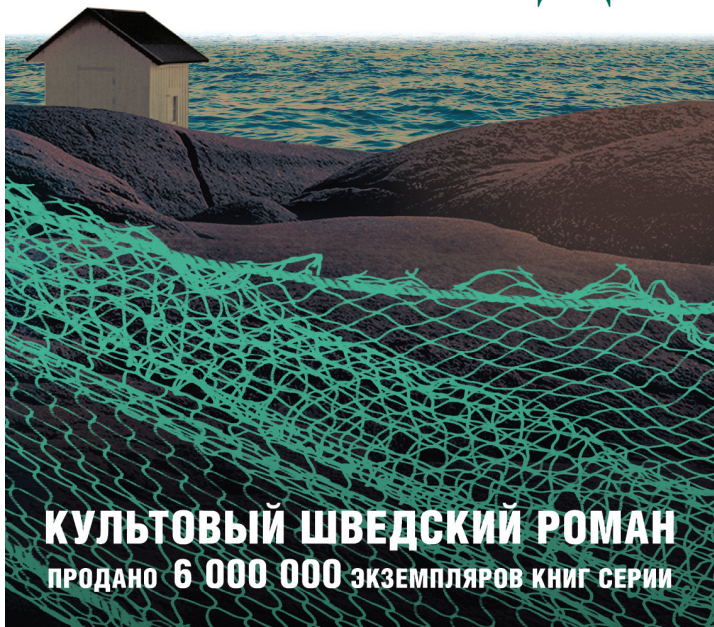

ВИВЕКА СТЕН

ТИХАЯ ВОДА

КУЛЬТОВЫЙ ШВЕДСКИЙ РОМАН

ПРОДАНО 6 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ СЕРИИ

Вивека Стен
Тихая вода
Серия «Крафтовый детектив из
Скандинавии. Только звезды»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65550607

Тихая вода: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155269-5

Аннотация

Два трупа подряд? На Сандхамне, в этом островном дачном раю? Невозможно поверить...

И тем не менее это правда. К берегу прибило запутавшееся в рыболовных сетях тело незнакомца с материка; тот пропал несколько месяцев назад. Выглядит как несчастный случай. Но затем в гостинице обнаружена избитая до смерти обнаженная женщина – это кузина погибшего, которую полиция еще недавно допрашивала в Стокгольме в связи с гибелью двоюродного брата. Переживший семейную трагедию и едва выбравшийся из кошмарной депрессии, инспектор Томас Андреассон должен найти связь между двумя смертями – ведь ее не может не быть...

Зачем родственники-чужаки прибыли на остров друг за другом? И кому они так помешали своим визитом?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	68
Глава 13	71
Глава 14	78
Глава 15	86
Глава 16	90
Глава 17	96
Глава 18	102
Глава 19	106
Глава 20	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Вивека Стен

Тихая вода

Viveca Sten

I De Lugnaste Vatten

© 2008 Viveca Sten. First published by Bokförlaget Forum, Sweden. Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Моей храброй маме

Пролог

Такая тишина бывает только зимой, когда сезонные гости еще не овладели архипелагом и ихеры принадлежат только их постоянным обитателям. Над темной гладью воды воздух кристально чистый и плотный, как стекло, и на суше еще белеют отдельные островки нерастаявшего снега.

Стайка крохалей¹ обозначилась точками в небе, под ней, низко над горизонтом, стоит солнце.

– Помогите мне, – хрипит он. – Помогите, бога ради.

Ему бросают канат с петлей на конце, в которую ему удастся пролезть.

– Теперь тащите...

Он фыркает, пытаясь ухватиться за борт негнуцимися пальцами, и выглядит удивленным, когда через борт переваливается якорь. Как будто еще не понимает, что ему осталось жить несколько секунд, прежде чем чугунная штука вина утянет его на дно.

Рука, запутавшаяся в рыболовной сети, – последнее, что появляется на поверхности, а потом темная гладь снова смыкается с похожим на вздох звуком.

Трещит мотор – и лодка медленно разворачивается в

---

¹ Птицы из семейства утиных.

сторону гавани.

Глава 1

Понедельник, первая неделя

– Ко мне, Пикси, ко мне...

Мужчина на берегу раздраженно высматривает таксу. Конечно, собаку можно понять после стольких дней взаперти в тесной каюте, но немного дисциплины не помешало бы. Похорошему, ее давно бы следовало привязать. На Сандхамне, в Стокгольмских шхерах, летом собакам не разрешается гулять без поводка, но «девочка» выглядела такой счастливой, что хозяин просто не мог не наплевать на этот запрет.

Тем более ранним утром, когда вокруг никого нет, кроме чаек. Жители немногих домов у побережья еще не проснулись. Воздух чистый и свежий, как будто омыт ночным ливнем. И теплое солнце обещает еще один погожий день.

Легко шагать по уплотнившемуся от влаги песку. Низенькие сосны сменяются зарослями песчаного колосняка и желтыми цветами, которые часто встречаются у воды. У самой кромки в волнах веером полощутся водоросли. Одинокая лодка отчаливает от Фалькена в восточном направлении. Куда же запропастилась эта чертова псина?

Мужчина идет на радостный, залиvistый лай. Маленький хвост так и ходит из стороны в сторону. Пикси стоит у скалы и что-то нюхает, на таком расстоянии невозможно разобрать, что именно. Приблизившись, мужчина чувствует неприят-

ный запах, который вскоре окутывает его кислотовато-удушающим облаком. Возле скалы лежит нечто похожее на ворох тряпья. Мужчина наклоняется, чтобы отогнать собаку, и видит полную водорослей рыболовную сеть. А потом вдруг понимает, что это такое на самом деле.

Из этого куля, набитого водорослями и тому подобными дарами моря, выглядывает пара босых ног. На обеих не хватает нескольких пальцев. Кости торчат, как обглоданные, из ошметков сморщенной зеленоватой кожи. Мужчина чувствует, что его вот-вот вырвет, и не успевает ничего сделать, прежде чем желудок выворачивается наизнанку. Розоватая жижа попадает ему на ботинки, но мужчина ничего не замечает.

Вернувшись в вертикальное положение, он идет к морю ополоснуть рот, после чего достает мобильник и набирает номер службы спасения.

Глава 2

Инспектор уголовной полиции Томас Андреассон действительно ждал этого отпуска. Четыре недели в летнем домике на острове Харё в Стокгольмских шхерах. Утренние купания, гребля на каяках, мясо на решетке и обязательный визит к крестнику на Сандхамн.

Вообще Томас Андреассон предпочитал отпуск в августе, когда и вода теплее, и погожих дней больше. Но в этом году, так уж получилось, в городе стало невыносимо тоскливо уже после праздника летнего солнцестояния, и инспектора потянуло в шхеры.

Отдел уголовных преступлений участка в Наке, куда Томас перевелся в прошлом году, оказался жарким местом. Зато было и чему поучиться, даже для инспектора с четырнадцатилетним стажем, восемь лет которого приходилось на морскую полицию.

Томас имел опыт управления почти всеми судами, имевшимися на вооружении морской полиции – от военного штурмовика СВ90 до катера Яна Шерфе² 9980 и жестко-корпусной надувной лодки. Он знал шхеры как свои пять пальцев – все мели до единой плюс места, особо опасные при малой воде. И каких только оправданий не наслушался от го-

---

² Ян Шерфе (1922–2008) – шведский конструктор катеров.

ре-мореходов, особенно нетрезвых. Томас занимался всем – от угнанных катеров и актов вандализма до заблудившихся иностранцев и застрявших на островах подростков. Выслушивал постоянные жалобы на незаконную рыбную ловлю, но морская полиция мало что могла с этим поделать. Разве закрыть глаза на произвол местных жителей, самовольно конфискующих сети тех, кто не уважал прав на рыбные промыслы.

В общем и целом Томасу это нравилось, и если бы не маленькая Эмили, ему и в голову не пришла бы мысль о переводе. Ну а потом, когда все надежды рухнули, он просто не нашел в себе силы вернуться на прежнее место. Теперь проблема была в том, чтобы пережить очередной день.

Темпы работы в Наке оказались не менее напряженными, но Томас на удивление быстро приспособился к новой форме работы. Хотя время от времени, особенно летом, и тосковал по рейдам в шхеры и морю.

В приоткрытой двери показалась коротко стриженная голова Маргит Гранквист – коллеги Томаса и более опытного полицейского инспектора.

– Томас, пошли к Дедушке. Говорят, где-то на Сандханме нашли мертвеца.

Томас поднял глаза.

Дедушкой называли шефа уголовного отдела полицейского участка в Наке, которого на самом деле звали Йоран Пер-

сон³ – так же, как премьер-министра. Другой посчитал бы это совпадение счастливым, но шеф всячески стремился отмежеваться от знаменитого тезки и не упускал случая лишний раз намекнуть, что его политические взгляды совсем не обязательно совпадают с таковыми известного политика. О каких именно взглядах идет речь, Дедушка не уточнял. На беду, он отличался полнотой, что еще больше сближало его с премьер-министром и увеличивало количество раздражавших намеков со стороны коллег.

В общем и целом, это был полицейский старой закваски – жестковатый, немногословный, но умеющий создать вокруг себя доброжелательную атмосферу и за это любимый подчиненными. Его отличали дотошность, профессионализм и очень, очень богатый опыт.

Когда Томас вошел в кабинет Дедушки, Маргит уже была там, с очередной чашкой кофе. Местный кофейный автомат производил напиток, способный уничтожить все живое, настоящий крысиный яд, поэтому вид невредимой Маргит каждый раз вызывал у Томаса удивление. Сам он давно перешел на чай.

– Итак, на северно-западном побережье Сандхамна обнаружен труп мужчины, – начал Дедушка. – Порядком подпорченный; похоже, пролежал в воде достаточно долго.

Отметив что-то в записной книжке, Маргит подняла гла-

---

³ Ханс Йоран Персон (р. 1949) – премьер-министр Швеции с 1996 по 2006 год.

за:

– Кто его нашел?

– Какой-то бедняга-лодочник. Парень был потрясен, зрелище не из приятных. Около семи утра позвонил в службу спасения. Он выгуливал собаку на берегу, где и наткнулся на тело.

– Есть основания подозревать убийство? – Томас тоже достал блокнот. – Признаки насилия, нанесения телесных повреждений...

– Об этом говорить рано. Покойник найден буквально завернутым в рыболовную сеть или что-то вроде того. Морская полиция уже в пути, со всем, что нужно для транспортировки тела.

Дедушка повернулся к Томасу:

– У тебя дом на Харё, насколько я помню. Это ведь недалеко от Сандхамна?

Томас кивнул:

– От одного острова до другого десять-пятнадцать минут пути.

– Отлично. Значит, тебе знакомы те места. Будешь в Сандхамне, загляни и туда. Заодно навестишь старых друзей в морской полиции.

Лукавая усмешка тронула губы Дедушки.

– Есть основание возбуждать дело об убийстве? – Томас заглянул шефу в глаза.

– Пока что это смерть от неустановленных причин. Когда

речь пойдет об убийстве, Маргит будет руководителем следственной группы, а до того, думаю, заняться им можешь ты.

– Мне это просто донельзя кстати, – подала голос Маргит. – Ты и представить себе не можешь, сколько отчетов мне нужно сдать до отпуска.

Решительный кивок подчеркнул ее отчаяние. Обратный отсчет пошел. Несколько дней бумажной рутины – и вот она, долгожданная свобода в виде съемного домика на западном побережье и четырех недель только с семьей.

Дедушка взглянул на часы.

– Полицейский вертолет уже в городе, – сказал он. – Они могут забрать тебя и криминалистов через двадцать минут с площадки возле Шлюза. Обратно полетишь с морскими полицейскими... Ну, или вернешься на рейсовом катере.

На последней фразе шеф снова усмехнулся.

– Без возражений, – улыбнулся Томас. – Ты можешь принудить меня к полету на вертолете в любое время дня и ночи.

Дедушка поднялся, давая понять, что совещание окончено.

– Договорились. Дашь знать, когда вернешься, чтобы я тоже был в курсе.

Шеф встал в дверях, почесывая подбородок:

– И расслабься, Томас. Середина лета, туристический сезон – там должно быть здорово. Толпы взбудораженных туристов и журналистов – последнее, что нам нужно. Ты же знаешь газетчиков. С каким удовольствием они поменяют

рекомендации относительно особенностей секса летом на досужие домыслы об убийстве в шхерах.

Маргит ободряюще улыбнулась Томасу.

– Расслабиться у тебя точно получится. Звони, если возникнут вопросы. И не делай поспешных выводов, дождись результатов криминалистической экспертизы.

Томас надел кожаную куртку, с которой не расставался в любую погоду. На пути к двери обернулся:

– Как думаешь, сможет вертолет высадить меня на Харё, когда мы закончим?

– Конечно. Уж если правительственный вертолет мчит Томаса Будстрёма⁴ в отпуск в солнечную Грецию, то стокгольмская полиция точно сможет доставить инспектора Томаса Андреассона к порогу его дома.

Дедушка был явно доволен собственным остроумием. Маргит тряхнула головой и тоже не смогла сдержать улыбки.

– До связи, Томас. Передавай привет шхерам.

Она еще шире растянула губы и салютовала рукой.

---

⁴ Томас Будстрём – шведский политик и писатель, был министром юстиции в кабинете Йорана Персона.

Глава 3

– Привет.

Когда раздался звонок, Нора Линде автоматически схватила мобильный и нажала кнопку «принять вызов». Только потом сообразила, что это будильник. И не обычный, который у Норы, разумеется, тоже имелся, а функция в мобильнике. Нора предпочитала пользоваться ею просто потому, что так было проще.

Она потянулась. Оглянулась на мужа, лежавшего в постели рядом с ней. Хенрик сопел, как ребенок. Ничто не могло потревожить его сон, кроме, разве что, звонка из больницы. Норе оставалось только завидовать.

При этом выглядел Хенрик в точности так, как в далекий день их свадьбы. Темные волосы, плоский живот, мускулистые руки – от многочисленных заплывов наперегонки. Чуткие кисти врача с длинными пальцами, аристократический профиль с классическим греческим носом. Будь такой у женщины, Нора бы обзавидовалась. Но на мужском лице античный нос смотрелся как бессмысленная роскошь, прихоть природы. Таким образом Нора себя успокаивала, потому что сама была откровенно курносой. В темной шевелюре Хенрика уже мелькала седина – лишнее напоминание о тридцати семи прожитых годах. За ее плечами их было столько же.

Мобильник не унимался.

Нора вздохнула. Вставать без четверти восемь с понедельника по пятницу плохо вписывалось в ее представление об отпуске. Но когда живешь на таком острове, как Сандхамн, дети должны учиться плавать. В то время, которое им предложат.

Нора зевнула, кое-как накинула халат и поковыляла в детскую. Шестилетний Симон ткнулся лицом в подушку. Удивительно, как ему удавалось дышать в таком положении. Адам, почти десятилетний, лежал поперек кровати, скинув на пол одеяло. Его почти белые, чуть выющиеся на затылке волосы взмокли от пота.

Оба мальчика крепко спали.

У Симона занятия по плаванию начинались в девять, у Адама в половине одиннадцатого. Поэтому Нора успевала вернуться с младшим и проконтролировать завтрак старшего, прежде чем тому приходило время седлать велосипед.

Расписание можно было бы считать идеальным, но Норе не хватало общения с другими мамами и папами, с тех пор как она перестала сопровождать Симона. Так уютно сидеть на краю бассейна и беседовать, пока дети спуют по дорожкам из конца в конец. Многие родители сами учились плавать еще вместе с Норой, поэтому большинство их она знала. В те годы не было речи о бассейне с подогревом и теплым душем, и им приходилось, дрожа от холода, прыгать в морскую воду возле Флескбергета, что на северном побережье

острова. Именно там и располагалась школа плавания, пока не построили этот бассейн.

При одном только воспоминании о тех уроках кожа делалась гусиной. Зато первые рекорды Нора установила при шестнадцатиградусной температуре воды. Значки до сих пор хранились в родительском доме, в сотне метрах отсюда.

Нора пошла в ванную привести себя в порядок. Пока чистила зубы, заспанно разглядывала свое отражение в зеркале. Взлохмаченные, коротко стриженные волосы. Вздернутый нос. Серые глаза. Спортивная, мускулистая фигура – мальчишеская, можно сказать.

В общем и целом она осталась довольна. Притом что больше всего гордилась длинными, натренированными ногами – результат регулярных утренних пробежек. Хорошо все-таки, что у Норы хватило упорства не бросить бег трусцой. Что же касалось груди, здесь хвастать было нечем, особенно после рождения двух детей. Выручали бюстгалтеры, их сегодня делают на любой случай.

Под душем размышляла о том, как изменился Сандхамн с тех пор, как дети пошли в школу плавания. Поток гостей на летний сезон увеличился, и транспорта на острове стало гораздо больше. Появились гидросамолеты для полетов над архипелагом и вертолеты, доставлявшие голодных туристов в рестораны на воде. Конференц-зал в здании бывшего яхт-клуба – Шведского королевского парусного общества – открыт круглый год. Кроме того, можно взять

в аренду каяк или катамаран и самостоятельно совершить путешествие вокруг острова.

Высшее общество и тому подобные эстеты охотно собирались на Сандхамне, когда здесь проходили регаты и международные гонки. В это время плотность распределения вещей «Гуччи» сгущалась на несколько сотен процентов, как шутил Хенрик. И это значило, что мост перед бывшим зданием королевского яхт-клуба бывал до предела заполнен дамами в дорогих платьях и исполненными достоинства полноватыми мужчинами среднего возраста с туго набитыми кошельками.

Так или иначе, летом на острове от двух до трех тысяч сезонных отдыхающих, не считая сотен тысяч заезжих туристов на пару часов. В сравнении со ста двадцатью постоянными жителями в зимний сезон контраст действительно получается разительным.

Томас проводил здесь каждое лето, но вид Стокгольмского архипелага с высоты птичьего полета поразил его, как в первый раз. Пролететь на вертолете до Сандхамна стало для него неожиданным сюрпризом. Очертания разбросанных по сверкающей глади островов выглядели четкими, словно были вырезаны ножом. Как будто шхеры плыли куда-то, лежа на поверхности воды.

Они пролетели над Накой и повернули в сторону Фогельбруландета. Когда оставили позади Гринду и вышли во

внешние шхеры, ландшафт изменился. Вместо зеленых лугов и рощиц на островах появились голые скалы с редкими низкими сосенками и обкатанные морем гигантские валуны.

Где-то над Рунмарё глазам открылась Сандхамнская гавань, с плотным скоплением красных и желтых домов, примерно там, где начинается пролив между Сандхамном и Телеграфхольменом.

Томас не мог налюбоваться на знакомые очертания поселка далеко за морской косой. За более чем пять веков существования он успел послужить и таможней, и лоцманской станцией, пережил разорение русскими войсками и небывало холодные зимы, начало пароходного сообщения и изоляцию в годы последней войны. И после всего этого оставался все таким же живым, населенным поселком во внутренних шхерах.

Томас смотрел вниз, щурясь сквозь солнечные очки.

Пришвартованные к просмоленным пирсам, чернели моторные и парусные лодки. За ними мелькала старая лоцманская башня – самое высокое строение на острове. Белые буи отскакивали от коньков моста. Зеленые и красные точки указывали путь торговым и туристическим судам. Несмотря на раннее утро, фарватер в направлении внешних шхер так и кишел белыми парусами.

Еще несколько минут – и они закружили над Сандхамном. Пилот обогнул помпезное здание таможни постройки восемнадцатого века, и в поле зрения выплыла вертолетная

площадка. Осторожным маневром машина была посажена в какой-нибудь паре метров от внешнего края причала.

– Могу подождать вас полчаса, потом мне надо улетать, – предупредил пилот и вопросительно посмотрел на Томаса.

Тот взглянул на часы и задумался.

– Не думаю, что мы управимся так быстро, но улетайте когда вам нужно. Доберемся до дома как-нибудь иначе.

Криминалисты опускали на площадку черные сумки с аппаратурой.

– Тогда желаю здравствовать. Выезд к западному побережью к северу от Кубергета. Морская полиция уже там. Автомобильное движение на острове запрещено, так что вам предстоит приятная прогулка по лесу.

Глава 4

Проезжая мимо таможни на велосипеде с Симоном на багажном месте, Нора заметила полицейский вертолет. За пароходным причалом, возле мест, зарезервированных под суда «Скорой помощи», стоял большой катер с мужчиной в полицейской форме на палубе. Было необычно видеть здесь столько полицейских в столь ранний час. Должно быть, что-то произошло.

Нора поехала вдоль вытянутого здания с множеством магазинчиков, где можно было купить все: от костюма для прогулки под парусом до деталей морского интерьера и всевозможных снастей для лодки потом вдоль тыльной стены клубного здания. Вырулила в гавань и свернула на узкую дорожку параллельно площадке для мини-гольфа к отгороженной территории бассейна. Припарковалась за стеклянным киоском и сняла Симона с багажника. С сыном в одной руке и сумкой с принадлежностями для плавания в другой нырнула под табличку «Закрито» и направилась к школе плавания.

Группа взрослых в углу что-то озабоченно обсуждала, а дети бегали вокруг в ожидании начала занятий. Нора поставила сумку на шезлонг и подошла к родителям.

– Что-нибудь случилось?

– Разве ты не видела полицейский вертолет? – в свою очередь спросила одна из мам. – На западном побережье нашли

мертвое тело.

У Норы от неожиданности перехватило дыхание.

– Мертвое тело?

– Да, завернутое в рыболовную сеть, можешь себе представить? Оно лежало неподалеку от дома Окермарков.

Тут женщина показала на другую маму, чей сын занимался в одной группе с Симоном.

– Оцепление чуть ли не по всему побережью. Лотта едва добралась сюда с Оскаром.

– Несчастный случай? – спросила Нора.

– Понятия не имею. Со слов полицейских поймешь немного, но звучит впечатляюще, что и говорить.

– Это кто-то из местных? Рыбачил и упал в море, могло ведь такое быть?

Нора испуганно оглядывала группу родителей. Тут слово взял один из пап.

– Не думаю, что сейчас кто-нибудь скажет вам больше. Не так-то просто там что-нибудь разглядеть. Но Лотта была в ужасе, после того как побывала там.

Нора опустилась на скамейку у края бассейна. Симон держался за красно-оранжевый спасательный круг и старательно отталкивался ногами от невидимой вертикальной стенки. Нора попыталась стряхнуть с себя неприятное чувство – безуспешно. Перед глазами стоял человек, хватаящий ртом воздух, между тем как его ноги все сильнее запутывались в сетях, которые в конце концов должны были утянуть его на

дно.

Необыкновенно тихо было на западном побережье. Смолкли крики чаек. Даже утренний бриз не морщил гладь моря. Морская полиция оцепила участок земли, где лежало тело. За заградительной лентой оцепенела толпа любопытных. Томас приветствовал коллег и направился к тому, что издали походило на ворох тряпья.

Что и говорить, зрелище не из приятных. Чуть отброшенная в сторону изорванная рыболовная сеть открывала глазам то, что осталось от мужского тела. Просматривались рубашка и брюки. Одно ухо было словно отгрызено, и вместо него на виске лежал кусок кожи. Вокруг тела, на уровне подмышек, шел потрепанный канат. Судя по виду, обычный швартов для небольшой лодки, весь увитый уже подсохшими водорослями. От жары зловоние стало почти невыносимым, и Томас инстинктивно отвернулся, когда удушающая волна ударила в нос.

Есть вещи, к которым невозможно привыкнуть.

Подавив рвотный импульс, Томас обошел вокруг тела, чтобы взглянуть на него с другой стороны. Трудно было сказать, как утопленник выглядел при жизни. На черепе еще оставались клочки темных волос. Лицо опухло, голубоватая кожа походила на пропитанную водой губку, и все тело словно было слеплено из мокрой глины.

Томас отметил про себя рост мужчины – что-то между

ста семьюдесятью и ста восьмьюдесятью сантиметрами. Обручального кольца на сохранившемся безымянном пальце не было, с другой стороны, оно могло соскользнуть в воду.

Криминалисты уже раскрыли свои черные сумки и прочесывали место ужасной находки. Чуть поодаль на камне, прислонившись спиной к дереву и прикрыв глаза, сидел мужчина средних лет. Рядом такса возбужденно нюхала воздух. Этот человек обнаружил тело во время утренней прогулки и первым забил тревогу.

«Должно быть, бедняга сидит так не первый час», – подумал Томас, подошел к мужчине и представился.

– Это вы его нашли?

Мужчина молча кивнул.

– Мне нужно с вами поговорить, но перед этим сделать еще кое-что. Можете подождать меня? Понимаю, каково вам сейчас, тем более признателен за то, что вы все еще здесь.

Мужчина кивнул еще раз.

Он и в самом деле выглядел неважно – бледное, несмотря на загар, даже зеленоватое лицо, на туфлях нездорового цвета жиж. «Не лучшее начало дня», – думал о нем Томас, направляясь к криминалистам.

– Эй, Томас, решил нас навестить?

Нора широко улыбалась, шагая навстречу лучшему из друзей за пределами Вестербергс Лив. Оставив велосипед в гравии на подножке, подняла с багажника Симона:

– Это твой крестный, Симон, обними его крепко.

Ей пришлось хорошенько потянуться, чтобы мальчик смог это сделать. Нора и сама была выше среднего роста, но это было ничто в сравнении со стадевяностапятью сантиметрами Томаса. Вдобавок он был довольно широкоплеч, потому что долго занимался гандболом. Мощный голубоглазый блондин, Томас буквально излучал уверенность и являл собой рекламный образ шведского полицейского.

– Твой портрет так и просится на афишу полицейской школы, – шутила Нора.

Родители Томаса жили на соседнем острове Харё. С девяти лет Томас и Нора вместе занимались в яхт-клубе, где и стали лучшими друзьями. Их встречи возобновлялись каждое лето, но взрослые ошибались, подозревая роман. Томас и Нора оставались приятелями, и только.

Когда Нора впервые набралась до положения риз, Томас сумел отвести ее домой так, что родители ничего не заметили. Или же сделали вид, что не заметили. Во всяком случае, они ничего не сказали наутро. А когда большая подростковая любовь дала Томасу отставку, Нора приложила все усилия, чтобы его утешить, дать высказаться и выплакаться. Тогда они вдвоем всю ночь просидели на скалах.

Когда Хенрик проявил к ней интерес, пригласив на студенческий бал, Нора первым делом позвонила Томасу. И это ему, а не Хенрику, пришлось выслушивать сбивчивый влюбленный монолог девушки, очарованной шармом будущего

медика.

Четырнадцатилетними подростками они вместе готовились к конфирмации, а в туристический сезон не брезговали никакой подработкой – торговали в киоске, помогали в пекарне, сидели на кассе в Вестербергс Ливс и даже охраняли здание королевского яхт-клуба. Кроме того, танцевали до упаду в ресторанах на воде, а потом, потные и разгоряченные, купались возле Дансбергета до восхода солнца.

Томас с детства хотел быть полицейским, а Нора юристом. Даже шутила, что, когда станет министром юстиции, доверит ему возглавлять полицейское управление.

Когда родился Адам, у Норы не было сомнений относительно кандидатуры крестного отца, но Хенрик решил вопрос в пользу своего лучшего друга и его жены. Только с Симоном Норе удалось настоять на своем. При том, что Томас действительно был тем самым человеком, на которого в случае чего можно положиться.

– Я здесь по работе, – он серьезно посмотрел на Нору. – Слышала, наверное, что на западном побережье нашли труп?

Нора кивнула.

– Звучит ужасно. Я отвозила Симона в бассейн, и там только об этом и говорили. Что случилось?

Ее взгляд стал беспокойным.

– До сих пор ни малейшего понятия. Тело мужчины, запутавшееся в старой рыболовной сети, – вот все, что мы знаем.

Выглядит так, будто долго пролежало под водой.

Нора зябко поежилась, несмотря на жаркое солнце.

– Несчастный случай? Мне трудно поверить, чтобы на Сандханме кто-то кого-нибудь убил.

– Посмотрим. Для начала тело должны осмотреть медики. Из парня, который его нашел, много не вытянешь.

– Он в шоке?

– Вид у него жалкий, по крайней мере. Чего еще ожидать от того, кто обнаружил такое во время утренней прогулки.

Нора снова посадила Симона на багажник.

– Может, зайдешь на минутку, когда справишься? Чашку кофе ты точно заслужил.

Томас натянуто улыбнулся ее шутке.

– Звучит вполне разумно. Постараюсь.

Глава 5

Погруженная в размышления, Нора продолжила путь. Кто же этот несчастный, чужак или из местных? Если он с Сандхамна, кто-то должен его хватиться. Остров небольшой, все знают друг друга. Но Нора ничего такого не слышала.

Она припарковала велосипед возле штaketника и опустила Симона на землю. Соседка Сигне Бранд поливала розы. Южная стена ее дома буквально утопала в фантастических розах, ярко-пунцовых и нежно-розовых попеременно. Кустам не один десяток лет, и нижние ветви были толщиной с руку.

Дом Сигне, или тети Сигне, как с детства называла ее Нора, назывался виллой Бранда и по праву считался самым красивым на острове. Он стоял на Мельничной горе, над самым входом в гавань. Когда в шестидесятых годах позапрошлого века мельница была перенесена с горы на другое место, лоцман Карл Вильгельм Бранд, дедушка Сигне, купил эту землю в собственность. Но лишь много лет спустя смог наконец выстроить этот действительно роскошный особняк.

Он высился в гордом одиночестве, несмотря на давнее правило островитян селиться тесно, чтобы дома служили друг другу защитой от ветра. Когда пароход входил в гавань, виλλα Бранда была первым, что открывалось глазам пассажиров. Поэтому ее можно было считать главной достопримечательностью острова.

Лоцман не пожалел на нее денег и использовал только лучшие материалы. С широкими чердачными окнами, узкими карнизами вдоль скатов крыши и мягко изогнутыми линиями мансарды и эркеров, дом являл собой образец национально-романтической архитектуры. Внутри были роскошные печи с изразцами, специально изготовленными на фарфоровой фабрике в Густавберге, и огромные ванны на чугунных львиных лапах в стиле модерн. Даже туалет, что больше всего удивляло соседей, привыкших пользоваться удобствами во дворе, как это тогда было принято.

Находились и те, кто укоризненно качал головой и что-то бурчал про пижонство и столичные веяния. Но этим доброго лоцмана было не смутить. «На своей земле я делаю, что хочу», – отвечал он, когда подобные слухи достигали его ушей.

Сигне, после долгих сомнений, все-таки купила телевизор, и до сих пор это оставалось единственным стилистическим нарушением в угоду современности. Случайный гость едва поверил бы, что мебелировке виллы Бранда более ста лет, так отлично все сохранилось.

Сейчас Сигне жила в доме одна, точнее с лабрадором Кайсой. Время от времени жаловалась, что содержание дома ей дорого обходится. Но очередному чужаку, пытавшемуся соблазнить ее фантастической суммой в обмен на самое красивое строение на Сандхамне, неизменно указывала на дверь.

– Здесь я родилась, здесь и помру, – объявляла Сигне без тени пафоса. – И ни один толстосум из Стокгольма не пере-

ступит этого порога.

Сигне любила Виллу Бранда, и Нора хорошо ее в этом понимала. Когда она была маленькой, соседке нередко доставалась роль мамы на подхвате, поэтому в ее доме Нора ориентировалась не хуже, чем в родительском.

– Слышали, что случилось? – спросила Нора через забор.

– Нет, а что?

Сигне отставила лейку, выпрямилась и подошла к штакетнику.

– На западном побережье нашли утопленника. Сейчас там полно полиции.

Взгляд Сигне стал испуганным.

– Можете себе представить настроение родителей из школы плавания, – продолжала Нора.

– Утопленник, ты сказала? – переспросила Сигне.

– Да. Я наткнулась на Томаса возле Вестербергс Ливс. Он приехал вести расследование.

Теперь Сигне смотрела вопросительно:

– И его опознали? Утопленника, я имею в виду...

– Я там не была, но Томас сказал, что это мужчина и тело долго пролежало в воде. Похоже, несколько месяцев.

– То есть Томас здесь по работе. Представить себе только, как он вырос...

– Я тоже, тетя Сигне, – улыбнулась Нора. – Он ведь всего на год старше меня.

– Все равно в это трудно поверить. Так быстро летит вре-

мя, — взгляд Сигне стал печальным. — До сих пор не могу привыкнуть к тому, что у тебя своя семья и дети. Давно ли сама была ростом с Симона?

Улыбнувшись на прощанье, Нора пошла к себе. Она тоже любила свой дом, который много лет тому назад унаследовала от бабушки. Пусть не хоромы, как у Сигне, зато уютно и довольно практично для дома 1915 года постройки. На первом этаже просторная кухня и комната, совмещающая функции телевизионной и игровой для детей и гостиной для взрослых.

Небольшая изразцовая печь очень неплохо сохранилась. Зимой она особенно была кстати, потому что могла отапливать весь первый этаж. На острове случались перебои с электричеством.

На втором этаже находились две спальни, для Норы и для Хенрика, и еще одна для мальчиков. Сразу после переезда пришлось раскошелиться на ремонт кухни и ванной, потому что там он действительно требовался. Без роскоши, зато все работает и неплохо смотрится.

Но гордостью Норы оставалась застекленная веранда в старом стиле, подоконники которой теперь были заставлены горшочками с пеларгониями. Она выходила на запад. Стоило чуть напрячь зрение — и с нее можно было увидеть море. Но что можно было видеть без всякого напряжения, так это Виллу Бранда, в сравнении с которой дом Норы смотрелся жалкой хижинкой.

– Привет, мы дома! – крикнула Нора в сторону лестницы. Ответом ей было молчание.

Где-то мелькнула мысль, что Хенрик уехал с Адамом, пока она занималась Симоном, но Нора быстро отогнала ее как бесплодную надежду. Очевидно, оба еще спали. Во время ночных дежурств в больнице Хенрик мог сутками обходиться без сна, но потом при первой возможности сполна добирал свое.

Нора вздохнула и ступила на лестницу.

– Буууу!

Она вздрогнула от неожиданности, когда Адам выскочил из ванной.

– Испугалась? – мальчик улыбался во всю ширь. – Папа еще не проснулся, а я уже заправил свою кровать.

Нора обняла сына. Под футболкой прощупывались ребра. Куда подевался ее пухленький малыш и откуда взялось это костлявое существо?

– Пойдем, надо позавтракать перед плаванием.

Держась за руки, они спустились на кухню. Пока Нора доставала купленные по дороге свежие булочки, Адам накрывал на стол.

– Не забудь про инсулин, мама.

Нора улыбнулась и попыталась еще раз заманить мальчика в объятия. Настоящий старший сын, понимающий и ответственный. С тех пор как Адам осознал, насколько важны для диабетиков, вроде Норы, инъекции инсулина перед каж-

дым приемом пищи, он взял на себя труд напоминать ей об этом. А когда Нора пренебрегала уколами, в основном перед перекусами вне дома, нервничал не на шутку и даже кричал на нее.

Нора открыла холодильник и достала упаковку с ампулами. Выбрала одну и демонстративно поднесла к глазам Адама.

– Слушаюсь, мой генерал.

Привычным жестом набрала инсулин в шприц и ввела в складку на животе чуть пониже пупка. К счастью, ни Симон, ни Адам не обнаруживали пока склонности к диабету, но для окончательных выводов оба были слишком малы.

Краем уха Нора слышала, как Адам вбежал в спальню отца и попытался разбудить того, прыгая по кровати. Возражать не имело смысла. К тому же было бы действительно неплохо, если бы Хенрик проводил Адама в школу плавания, пока она будет гулять с Симоном.

Да, и еще кофе с Томасом.

Глава 6

Отделение полиции находилось на острове в том же доме, что и почта.

Это желтое строение, сразу под песчаным карьером, иначе называемом Ямой, внешне ничем не отличалось от типичного летнего дома в шхерах.

Внутри был современный офис на десяток с лишним мест и комната для совещаний. В отделении работало пятнадцать человек, большинство женщины. И они занимались всем, от драк и избиений до угнанных велосипедов.

Участок открывался рано утром и закрывался только в десять вечера. Поскольку он был подсоединен к внешней полицейской Сети, Томасу не составило труда отправить в Стокгольм рапорт о мертвом мужчине. Местные коллеги предоставили ему такую возможность без лишних объяснений.

Но для начала Томас заглянул в реестр пропавших без вести – ПБВ.

В Стокгольмском лене⁵ таковыми на сегодняшний день числились два человека. Первый был пенсионер семидесяти четырех лет, страдающий деменцией. Заявление о его пропаже поступило два дня назад. «Сидит где-нибудь в лесу, бе-долага, – подумал Томас. – Умрет от истощения и жажды,

---

⁵ Лен – административно-территориальная единица в Швеции.

если не найдут в ближайшее время. Обычный случай».

Вторым был пятидесятилетний Кристер Берггрен, сотрудник «Сюстембулагета»⁶. Его работодатель обратился в полицию в начале апреля, когда мужчина отсутствовал на работе десять дней. Он пропал сразу после Пасхи, то есть в последнюю неделю марта. Томас смотрел на монитор. Кристер Берггрен – среднего роста, с темно-русыми волосами, работал в «Сюстембулагете» с 1971 года, то есть сразу после средней ступени школы, если Томас правильно подсчитал.

Инспектор достал мобильник и выбрал номер Карины – на удивление миловидной дочери Дедушки, которая работала секретарем в отделении в Наке и готовилась поступать в полицейскую школу.

– Привет, Карина, это Томас. Можешь позвонить в отделение судмедэкспертизы? Дело в том, что сегодняшний труп может оказаться неким Кристером Берггреном, объявленным в розыск несколько месяцев тому назад.

Томас продиктовал идентификационный номер и домашний адрес Берггрена.

– Выясни заодно, с кем там можно связаться, и мы немедленно туда отправимся. Если повезет, сразу найдем водительские права или удостоверение личности.

Томас замолчал, продолжая скользить взглядом по описанию Кристера Берггрена на мониторе. За окном слышался детский смех и велосипедные звонки. Еще одно напомина-

---

⁶ «Сюстембулагет» – сеть алкогольных супермаркетов в Швеции.

ние о лете и поездке на Харё, в то единственное место после смерти Эмили, где Томас чувствует себя дома. Вдруг захотелось просто посидеть на мостике, не думая ни о чем и ничего не ожидая.

– Было бы хорошо распутать это дело так сразу, – сказал он Карине. – Уж очень хочется в отпуск.

Глава 7

Четверг, первая неделя

Когда в четверг утром Томас переступил порог своего кабинета в полицейском отделении в Наке, Карина была уже там. Она положила на его стол рапорт с логотипом судмедэкспертизы, который только что получила.

– Вот, Томас, посмотри. Утопленник с Сандхамна действительно оказался Кристером Берггренем, как ты и предполагал. У него в кармане нашли бумажник с водительскими правами. Имя и фамилию удалось прочесть, как ни странно.

Карина искоса наблюдала, как Томас изучал рапорт судмедэкспертов. Она положила глаз на инспектора уже в самом начале его работы в Наке, но тот ничего не замечал.

Карина думала о том, что, не стрижи Томас так коротко густые и жесткие волосы, давно носил бы гриву не хуже конской. В нем было что-то от бродяги. Сразу чувствовалось, по крайней мере, что большую часть времени он проводит на свежем воздухе. На это указывала сетка морщинок вокруг глаз, какая бывает у тех, кто много щурится на солнце. Не говоря о спортивном сложении при довольно высоком росте. Сама Карина была намного ниже коллеги.

Томас имел репутацию хорошего полицейского, справедливого и внимательного к людям. Человека чести, с которым

приятно работать. Неизменно доброжелательный, он пользовался всеобщей любовью и при этом держался особняком. Никому из коллег так и не удалось сблизиться с инспектором по-настоящему.

Карина слышала, что с год назад у него умер ребенок. И что брак после этого не удалось спасти, и все кончилось разводом. В коридорах ходили слухи о девочке-младенце, но подробностей не знал никто. Довольно долго Томас пребывал в депрессии, и только совсем недавно жизнь стала к нему возвращаться. Если верить слухам, опять же.

Карина ни с кем не встречалась в последние годы, разве очень недолго. С ровесниками она скучала, но Томас, почти сорокалетний, это совсем другое дело. Сразу видно, зрелый мужчина. При этом в нем было что-то такое, что задевало особенно чувствительные струны ее души, но что именно – этого не знала и сама Карина. Возможно, тень пережитого горя, лежавшая на его лице. Или же то, что он не проявлял к ней ни малейшего интереса, чем еще больше подстегивал ее интерес.

Карина знала, что сама выглядит далеко не так сногсшибательно. Что она невысока ростом, миловидна и имеет ямочку на левой щеке, о которой ей напоминает всяк кому не лень. В общем и целом, Карина не могла пожаловаться на недостаток мужского внимания, и только Томас не выделял ее среди прочих, несмотря на регулярные намеки.

Она не упускала случая лишний раз заглянуть к нему в

кабинет. Иногда приносила печенье или булочки и предлагала небольшую кофе-паузу на двоих. На «летучках» и совещаниях спешила занять место рядом с инспектором и заговаривала с ним при любой возможности – все напрасно.

Вот и сейчас задержалась в дверях, сосредоточившись на его руке, державшей бумагу. Ей нравились его длинные, изящные пальцы и аккуратной формы ногти. Карина представляла себе, как эти руки касаются ее кожи. Особенно часто она думала о них перед сном и вздрагивала от воображаемых поглаживаний.

Не подозревая о ее мыслях, Томас погрузился в рапорт, составленный на самом беспросветном медицинском канцелярите. Без малейшего намека на эмоции, которые тоже могли бы что-нибудь сообщить о предмете описания.

Короткие, рубленые фразы резюмировали результаты вскрытия. Причина смерти – утопление. Вода в легких. Повреждения на теле, насколько можно судить, вызваны длительным пребыванием его в воде. Следы алкоголя или каких-нибудь других токсичных химических веществ в крови отсутствуют.

Старая рыболовная сеть сделана из хлопковых волокон, являющихся типичным материалом для изготовления подобных снастей в Швеции. Канат, завязанный петлей, в которую продето тело, тоже самый обычный. Похоже, на нем что-то висело. На его оборванном, растрепавшемся бахро-

мой конце обнаружены следы железа.

И ни намека на то, что же это все-таки было, несчастный случай или самоубийство?

Наибольшие подозрения вызывал канат. Томас задумался. Каким образом канат оказался на теле человека, упавшего в воду вследствие несчастного случая? Или Кристера Берггрена все-таки пытались поднять? Или же, решившись на самоубийство, он сначала хотел повеситься, а потом передумал и все-таки прыгнул в море? Но разве в последнем случае не логично было бы предварительно снять канат? Зачем он ему был нужен? Или же люди просто не озадачиваются подобными вопросами в такие минуты?

С рыболовными сетями все казалось проще. Тело попало и запуталось в них, когда опускалось под воду. А вот канат? С другой стороны, долгий опыт полицейской работы научил Томаса тому, что иногда некоторые вещи приходится оставлять без объяснений. И это ничему не мешает.

Если бы не это, смерть можно было бы смело списать на самоубийство или несчастный случай. Но проклятый канат болтался в мыслях инспектора, как острый камень в ботинке.

В конце концов Томас решил осмотреть квартиру Кристера Берггрена. Что если там найдется предсмертная записка или еще что-нибудь, что могло бы прояснить ситуацию.

Дом Кристера Берггрена находился на окраине Бандхагена – ближайшего из южных пригородов Стокгольма. Томас

припарковал свою «Вольво 945» – которую нещадно эксплуатировал вот уже больше восьми лет – у тротуара и огляделся. Ряды кирпичных желтых домов – пять этажей без лифта. Типичная застройка пятидесятых годов. На улице стояло еще несколько машин. Старичок в кепке с трудом волочился по тротуару, опираясь на ролятор⁷.

Томас открыл дверь со стеклянным окошком и вошел в подъезд. На дощечке справа перечислены ответственные квартиросъемщики. Кристер Берггрен жил двумя пролетами выше. Томас быстро пошел по лестнице. На каждом этаже было по три двери светло-коричневого дерева, оцарапанного и выцветшего от времени. Крашенные стены неопределенного серо-бежевого оттенка дополняли картину.

Под табличкой «К. Берггрен» обнаружилась написанная чернилами записка – «Никакой рекламы». Тем не менее кто-то попытался просунуть в почтовую щель целый ворох рекламных газет и буклетов. Когда слесарь, явившийся на несколько минут раньше Томаса, открыл квартиру, в лицо ударил затхлый запах – смесь протухшей пищи и спертого воздуха.

Томас начал с кухни. На посудном столике стояло несколько пустых винных бутылок и пакет с высохшим хлебом. В мойке громоздилась пирамида грязных тарелок. Открыв старый холодильник, Томас почувствовал горьковатый запах молочной плесени и увидел вскрытый пакет молока.

---

⁷ Ходунки с колесами, часто снабженные сиденьем.

Ветчина и похожий на зеленую коросту кусок сыра лежали рядом. Очевидно, сюда не заглядывали уже несколько месяцев.

В гостиной обошлось без сюрпризов. Черный кожаный диван, унылые обои с изображением водорослей, полинялые и старые. Круги от стаканов и бутылок на стеклянном столике свидетельствовали не столько о пристрастии хозяина к алкоголю, сколько о пренебрежительном отношении к мебели. На окнах горшки с увядшими цветами – и ни малейшего намека на присутствие женщины. Похоже, Кристер Берггрен прожил здесь один много лет.

Полки в книжном шкафу заставлены видеокассетами вперемежку с DVD. Томас отметил большое количество фильмов с Клинтом Иствудом. Книг немного, в основном, – судя по потертым кожаным переплетам с золотыми буквами, – доставшиеся хозяину в наследство. На стене афиша – гоночные машины «Формулы 1» на старте. На столе кучка каталогов, журнал «Автоспорт» и программа телевидения. Там же рекламная брошюра судоходной компании «Силья Лайн». Томас взял ее в руки. Что если Кристер Берггрен просто выпал с такого вот финского парома? В последнее время они курсируют у западного побережья Сандхамна чуть ли не каждый вечер.

Он прошел в спальню и огляделся. Кровать стоит убранная, под покрывалом, но вокруг разбросаны грязные тряпки. На ночном столике старый номер «Афтонбладет». Томас

пригляделся – за двадцать седьмое марта. Что если это был последний день пребывания Кристера Берггрена в этой квартире? Срок годности на пакете молока из холодильника ограничен тем же числом, и молоко давно испортилось.

На бюро черно-белая фотография девушки с прической по моде пятидесятых. На обратной стороне витиеватая надпись от руки – «Сесилия – 57». Симпатичная девушка, но на старый лад. Ярко-алая помада, взгляд больших глаз устремлен вдаль. Вся будто светится, излучает чистоту во всех смыслах. Неужели его мать?

Согласно реестру народонаселения, умерла в начале этого года.

Томас безуспешно высматривал предсмертную записку или что-нибудь другое, что могло бы прояснить смерть Кристера Берггрена. Он вышел в прихожую, пролистал кучу корреспонденции на полу. В основном реклама плюс несколько конвертов, похоже, со счетами. И открытка с надписью «Кос»⁸ крупными буквами поверх вида южного побережья.

«Позвони мне на мобильный, нужно поговорить! Обнимаю, Кики», – написано на обратной стороне.

Томас задался вопросом, не та ли это самая Кики Бергрен, кузина Кристера? Единственная живая родственница, на след которой до сих пор удалось напасть? Томас уже пытался до нее дозвониться, на мобильный и стационарный, но попадал только на автоответчик.

---

⁸ Греческий остров в Эгейском море, у берегов Турции.

Быстрый осмотр ванной не выявил ничего нового.

Унитаз выглядел как и следовало ожидать — желтые пятна высохшей мочи на белом фарфоре.

Томас еще раз прошелся по квартире, сам толком не представляя, что надеется обнаружить. Если не предсмертную записку, то что-нибудь другое, косвенно указывающее на намерение Кристера Берггрена свести счеты с жизнью.

Если, конечно, это не был несчастный случай.

Глава 8

Вторник, вторая неделя

Кики Берггрен вздохнула и набрала код на двери пяти-этажки в Бандхагене.

Наконец она дома. Кики так соскучилась по своей постели и всему остальному. «Я дома!» – от одной этой фразы мышцы лица расслаблялись и теплело внутри.

Когда бывшая одноклассница Агнета пригласила Кики поработать официанткой на греческом острове, это звучало как обещание рая. Вот так отдохнуть в Греции, не потратив на это ни гроша! Жилье и еда – все оплачено. Плюс зарплата, небольшая, конечно, но не стоит забывать о чаевых. Так ей это расписывали, по крайней мере. И главное – солнце вместо мокрого снега и грязи.

Все это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

Действительность быстро опустила Кики Берггрен с небес на землю. Трех месяцев с пьяными посетителями, в основном шведами, которые заказывали слишком много узо⁹ и сэкономили на закуске, оказалось достаточно, чтобы греческий рай встал поперек горла. Теперь Кики хотела одного – вернуться к нормальной жизни, когда она, одинокая девушка, работала крупье в ведущей сети шведских казино. Нико-

---

⁹ Греческий анисовый бренди.

гда не думала, что будет вспоминать с ностальгией, как в гудящем словно пчелиный улей зале раздавала карты для блэкджека.

Кики отперла входную дверь и втащила сумки.

Воздух в квартире показался ей затхлым, как бывает, когда возвращаешься домой после долгого отсутствия. Оставив сумки в прихожей, Кики прошла на кухню. Опустилась за стол, закурила. Достала бутылку узо, которую прикупила на память о ресторане, налила себе бокал. Сумки могут подождать до утра. «Он не так плох, этот узо, – подумала Кики, пригубив из бокала. – Если со льдом». Где-то мелькнула мысль, не проверить ли электронную почту. Но потом Кики решила, что и это не к спеху. На Косе она заглядывала в интернет-кафе, но только от случая к случаю.

Кики достала мобильник и зашла в голосовые сообщения. Она надеялась, что там ничего нет. Большинство приятелей знали, что она в Греции. Кроме того, неделю назад ее телефон разбился вдребезги, и некоторое время Кики оставалась недоступной по мобильной связи.

Первое сообщение оказалось рекламой. Некто предлагал услуги финансового консультанта. Он явно ошибся адресом. Зато следующее ее насторожило.

«Меня зовут Томас Андреассон, – представился низкий мужской голос, – я инспектор из отделения полиции в Наке. У меня к вам несколько вопросов, касающихся вашего кузена Кристера Берггрена, и я прошу вас связаться со мной при

первой возможности по номеру...»

Кики смяла сигарету в пепельнице. С какой стати полиции интересоваться Кристером? Кики набрала номер кузена, но ей никто не ответил. Кристер так и не удосужился установить автоответчик, и в трубке пошли сигналы. Тогда Кики набрала номер полицейского и попала на коммутатор. Женский голос сообщил, что Томас Андреассон будет доступен завтра с восьми утра.

Она закурила новую сигарету и откинулась на спинку стула. Маленькая пепельница упала на голубой тряпичный коврик, но Кики этого не заметила.

Что же такое случилось с Кристером?

После похорон мамы они разругались, да так, что не общались потом несколько месяцев. Поначалу Кики думала, что хоть на Косе отдохнет от всего этого, но обеспокоилась не на шутку, когда Кристер и в самом деле не отвечал на ее звонки и СМС. Тогда она послала открытку с просьбой позвонить, но так ничего и не дождалась. «Черт с ним, – утешала себя Кики. – Мерзнет там, поди, пока я здесь загораю. Мужчины завистливы, как дети». Но весточки от Кристера ждать не перестала.

Только он один и остался из родни, и Кристер был единственным, к кому в случае чего она могла обратиться. Как ни раздражала Кики его ограниченность и полное отсутствие амбиций, а родственник есть родственник.

И ее единственный друг, если уж совсем начистоту.

У него, как и у нее, не было ни детей, ни более-менее постоянного спутника жизни. Как-то, разговорившись за бутылкой, «случайно» прихваченной кузеном из «Сюстембулагета», Кики вслух задавалась вопросом, что станет с ними в старости? Неужели будут сидеть так же, два неудачника, ожесточенных пенсионера и жаловаться на жизнь, которая прошла впустую?

Поэтому Кики и уцепилась за возможность все изменить, как только та подвернулась. Впервые им выпал шанс начать новую, обеспеченную жизнь, далекую от унылого существования складского работника и прокуренных залов казино. И это были реальные деньги, а не пустые фантазии.

Но Кристеру не хватило мужества. Кики отказывалась его понимать. Все казалось так просто, она точно знала, что нужно говорить и делать. Могла даже предъявить письменные доказательства того, что это не бред.

Они сидели в его гостиной. Точнее, Кристер полулежал на диване и смотрел на нее из-под полуопущенных век. Его наполовину расстегнутая рубашка была покрыта жирными пятнами. Кристер пригладил давно не мытые волосы и покачал головой.

– Ты же понимаешь, что из этого ничего не выйдет, – он наполнил свой бокал. – Хочешь?

Кристер поднял бутылку, приглашая выпить с ним, но Кики только вздохнула.

– Я не хочу больше вина, – ответила она. – Хочу услышать,

что ты на это скажешь.

Озлобленная, она закурила сигарету. Затянулась и уставилась на Кристера. Обстановка его квартиры удручала. Типичное жилье старого холостяка.

– Мог бы, по крайней мере, меня выслушать, – возмущалась Кики.

Но Кристер отказывался воспринимать ее предложение всерьез и отлынивал от разговора всякий раз, когда она поднимала эту тему. Кики даже маму приплела. Сказала, что Сесилия была бы довольна, если бы Кристер на это пошел. Но и этот аргумент отскочил от него, словно мячик от стенки.

И тогда Кики вышла из себя по-настоящему.

– Сидишь здесь, как идиот, – закричала она. – А ведь это твой последний шанс начать жить по-человечески. И ты не решаешься даже попробовать!

Она его презирала. Но под презрением кипела злоба.

– Ну почему ты такой трус! Так и будешь сидеть в этой квартире, пока тебя из нее не вынесут?

Это была ее последняя фраза. Кики выбежала за дверь и спустя два дня уехала на Кос, так и не попрощавшись с кузеном.

Теперь пришло время раскаяния. С Кристером вообще все было не так просто. Его мама оборвала всякие контакты со своими родителями, после того как забеременела в восемнадцать лет. Она растила сына одна, на деньги, которые зарабатывала в «Сюстембулагете». Вдобавок пересуды, ко-

сые взгляды. Мать-одиночка в пятидесятые годы – не то, что сейчас.

Да и Кристер не был пай-мальчиком. Взглянув на его аттестат об окончании девятого класса, Сесилия не придумала ничего лучше, как только устроить сына в тот же «Сюстембулагет», где он и остался на всю жизнь.

Кристер толком не знал ни отца, ни бабушки с дедушкой. Родители Сесилии умерли, так и не повидав внука. Настолько обозлил их последний скандал.

Отец Кики помогал сестре чем мог, но и у него с деньгами было не густо. А потом родители Кики погибли в автомобильной аварии, и настала очередь Сесилии поддерживать племянницу.

По мере сил, которых хватило ненадолго. Потому что уже спустя пару лет Сесилия только с большим трудом могла ухватить бутылку пальцами, сидя на кассе. Проблема была в большом пальце левой руки. Сесилия стала ронять бутылки на пол и настроила против себя начальство. Близилась пенсия, и это несколько утешало Сесилию, но целая жизнь в «Сюстембулагете» с его протравленным алкогольными парами воздухом сильно подточила ее силы. В конце концов коллеги отвели ее в поликлинику.

Потом было много анализов, еще больше намеков и недомолвок, с бесконечными «если бы да кабы», прежде чем врачи вынесли свой вердикт. Сесилия страдала боковым амиотрофическим склерозом, неизлечимым и коварным заболе-

ванием, медленно парализующим нерв за нервом и мышцу за мышцей. Когда паралич достигает дыхательных путей, наступает смерть. В случае Сесилии временной промежуток от объявления приговора до похорон не составил и года.

Она сдалась. Просто слегла в ожидании смерти. Замерла в позе эмбриона и закрыла глаза на все. Сил для борьбы не осталось. Воли тоже.

Кристер долго не принимал того, что случилось с матерью. Он не мог видеть, как она угасает, поэтому всеми способами оттягивал очередной визит в больницу и упорно не желал поддерживать эту тему в разговорах.

После похорон он так напился, что Кики перепугалась всерьез. Вернувшись домой, долго сидел на диване с бутылкой в обнимку, а потом лег и уснул в чем был с опухшим до неузнаваемости лицом. Как будто только теперь поверил, что ее больше нет.

Кики наполнила бокал узо. Рука дрожала, когда она ставила на стол бутылку. С Кристером явно что-то случилось. Завтра она непременно свяжется с полицейским и все выяснит.

Глава 9

Среда, вторая неделя

Томас увидел Кики Берггрен еще до того, как та успела пройти от вахты до лестницы в здании отделения полиции в Наке. Светлая джинсовая куртка с блестящей «молнией» и такого же цвета джинсы. Розовый топик и сандалеты на высоких каблуках.

Посмотреть сзади – девочка как девочка. Тоненькая, с мальчишескими бедрами. Но спереди она выглядела как женщина средних лет, скорее пятидесятилетняя, чем сорокалетняя. Светлые волосы были слишком длинны, чтобы смотреться аккуратно. Темные у корней, они выдавали крашеную блондинку. А чуть заметная сеть морщинок над верхней губой выдавала заядлую курильщицу. В довершение, кожа Кики выглядела очень загорелой, почти коричневой, поэтому Томас тут же задался вопросом, неужели ей удалось так загореть на шведском солнце?

Кроме того, он отметил нервозность, с какой Кики постоянно теребила джинсовую сумку. Похоже, она хотела закурить, но табличка на стене недвусмысленно предупреждала, что это запрещено.

Инспектор подошел к Кики и протянул руку.

– Здравствуйте, я Томас Андреассон. Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились со мной встретиться. На-

сколько я понимаю, вы долго были в отъезде. Собственно, где?

– В Греции, – пробормотала Кики.

И нервно дернула щекой, словно от нетерпения перейти к главной теме разговора.

Томас показал на свой кабинет.

– Хотите кофе?

И налил две чашки темной жидкости. Он не знал лучшего средства расположить к себе собеседника.

– К сожалению, кофе из автомата не такой вкусный, но что имеем, то имеем. Садитесь.

Томас показал на стул напротив его письменного стола.

Кики Бергтрен села, закинув ногу на ногу. Один из сандалетов повис на пальцах, угрожая упасть.

– Могу я закурить? – с надеждой спросила она.

И уже раскрыла сумку, нащупывая в ней пачку «Принца» и зажигалку.

Взгляд Томаса стал сочувственным.

– К сожалению, запрет на курение распространяется на все отделение. Может, все-таки обойдетесь?

Кики Бергтрен кивнула и закрыла сумку. Томас отметил беспокойство в ее глазах.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – спросила Кики. – Неделю назад я разбила мобильник, поэтому только дома смогла прослушать ваше сообщение. Что-то случилось? Я много раз пыталась дозвониться до Кристера, но он

не отвечал. Что он там натворил? Что-нибудь серьезное?

Вопросы громоздились один на другой. Томас медлил. То, что ему предстояло, было самой тяжелой частью работы полицейского. Как, в самом деле, сообщить о смерти самого близкого человека? Томас предпочел начать с вопроса.

– Вы были близки с кузеном?

Она быстро кивнула.

– Он единственный, кто у меня остался из родственников. Мы часто виделись, еще с детства. Кристер всего на год моложе меня. Мы вместе встречали Рождество.

На последней фразе Кики попыталась улыбнуться, но вышло неубедительно.

Томас взял паузу, прежде чем перейти к главному.

– К сожалению, ваш кузен мертв. Его тело нашли на Сандхамне в Стокгольмских шхерах около недели назад. Он утонул и был выброшен на берег.

Сумка Кики Берггрен соскользнула на пол. Рот открылся, но первые несколько секунд она молчала.

– Он умер?

– Да, примите мои соболезнования.

Ее глаза наполнились слезами. Томас вытащил из ящика в столе упаковку одноразовых платочков и протянул Кики. Она взяла один и утерла нос.

– Хотите что-нибудь выпить? – участливо спросил инспектор. – Может, воды?

Кики Берггрен отрицательно замотала головой. Потом

медленно наклонилась и подняла сумку. Положила ее на колени, крепко держа обеими руками. Губы дрожали. Она с ужасом смотрела на Томаса и ждала продолжения.

– Думаю, это произошло ранней весной. Когда вы разговаривали с кузеном в последний раз?

– Мы не общались с марта. Я уезжала на три месяца, работала в шведском ресторане на Косе.

– У вас имелись какие-то особые причины для отъезда?

– Да нет... Просто уехала с подругой, которая уже работала там раньше. Вчера вернулась домой, услышала ваше сообщение и сразу позвонила.

– Как часто вы с ним общались?

Томас снова полез за бумажными платочками, и Кики Берггрен взяла еще один.

– Бывало по-разному.

Она опустила глаза, разглядывая розовый педикюр.

– Но вы контактировали регулярно?

– Конечно. Мы ведь были одной семьей.

Пока Кики рассказывала о семье кузена и его одинокой маме, Томас думал о том, что в прошлом Кристера не усматривалось ничего, что могло бы объяснить его пребывание на Сандхамне.

– Не знаете, что он мог делать в шхерах? Может, отправился навестить кого-то из знакомых?

Инспектор внимательно вглядывался в собеседницу. Кики Берггрен смотрела в пол. Прежде чем она успела отве-

тить, Томас продолжил:

– Он не пользовался финскими паромками?

Кики Берггрен откусила кусочек ногтя. Похоже, она и в самом деле страдала без сигареты.

– Иногда, а что?

– У нас есть версия, что он упал в воду с такого парома. Они курсируют мимо Сандханма каждый вечер. Это объясняет, почему тело прибило к берегу.

– Кристер никогда не умел плавать и вообще не особенно любил море. Но он пользовался финскими паромками, особенно когда у них бывали специальные предложения. Мы вместе плавали на Мариеханм два года назад.

Томас сделал в блокноте отметку о плавательных навыках Кристера и решил сменить тему.

– Как он относился к алкоголю? Он ведь выпивал, или как, по-вашему?

Кики Берггрен кивнула, жуя ноготь.

Носовые платочки, которые дал ей Томас, превратились в грудку бумажных хлопьев. Кики буквально раскрошила их, и кучка под столом походила на птичий пух.

– Пил, – ответила она на вопрос инспектора. – Он ведь работал в «Сюстембулагете», поэтому имел возможность выбора. Кристер ничем особенно не интересовался и друзей почти не имел. Бутылка и телевизор – вот все, что ему было нужно в жизни.

Томас почесал в затылке и задумался.

Если пьяный Кристер вышел на палубу подышать свежим воздухом, запросто мог свалиться в воду. Такое случается сплошь и рядом, только судоходные кампании молчат по понятным причинам.

– Могло ли быть, что он упал за борт намеренно? – задал он следующий вопрос. – Я имею в виду, сознательно свел счеты с жизнью?

Томас подумал о канате и выжидательно посмотрел на Кики. Вопрос повис в воздухе. Он дался инспектору нелегко, но должен был прозвучать.

Если ее кузен проявлял склонность к суициду, это могло бы кое-что объяснить.

Кики Берггрен раскрыла рот, собираясь что-то сказать, но потом будто передумала и сникла на стуле. В уголках глаз потекла тушь. Кики вытащила еще один платочек и как смогла промокнула глаза.

– Хотели что-то сказать?

Взгляд Томаса стал еще более пристальным.

– В феврале Кристер похоронил мать... Он не особенно навещал ее, когда она болела, но очень тяжело переживал ее смерть.

– Настолько, что ему расхотелось жить?

Кики опустила глаза.

– Мне трудно поверить, что он прыгнул с финского парома намеренно. Кристер никогда не говорил о самоубийстве, хотя всегда считал себя обделенным. Полагал, что жизнь так

и не предоставила ему настоящего шанса.

Глаза Кики снова наполнились слезами, и еще один платочек в ее руке превратился в бумажное крошево. Томас жалел ее. Очевидно, кузина Кристера Берггрена и в самом деле не подозревала о том, какое известие ждет ее в полицейском участке.

– Но это ведь мог быть и несчастный случай, – пояснил Томас. – Я просто хотел знать, нет ли у вас своих оснований подозревать самоубийство. Сейчас мы не можем ничего утверждать.

Томас завершил беседу просьбой позвонить ему, если Кики захочет что-то рассказать. Как только она ушла, записал возникшие в ходе разговора мысли на листок и вложил протокол допроса в папку.

Когда Кики вышла за ворота, мысли так и роились в ее голове. Она была так зла на Кристера, что только сейчас поняла, что же произошло.

У нее не хватило сил объяснять полицейскому, почему они не контактировали последние несколько месяцев. Она так и не смогла рассказать о их ссоре во время последней встречи. Тогда Кики сорвалась, а сейчас от стыда не знала куда деваться. Эти жестокие слова были последним, что слышал от нее Кристер. Ну почему все так получилось?

Кики остановилась и вытряхнула из пачки сигарету. Наконец-то...

Пока никотин разливался по телу, думала о том, как это может быть связано. Что если Кристер все-таки решил попробовать? Воплотить ее идею, не сказав ничего?

Такое вряд ли возможно. Кристер не решился бы действовать на свой страх и риск, тем более пока она была в отъезде. Или все-таки решился?

Кики пожала плечами, затянувшись долгожданной сигаретой. На выходные Кристер точно ездил в Хельсинки и, конечно, много пил. Можно себе представить. На пароме есть бар, где много дешевых напитков. Разгоряченный алкоголем, на нетвердых ногах, он вышел на палубу вдохнуть свежего воздуха. Потерял равновесие и свалился в воду, как сказал полицейский.

Обыкновенный несчастный случай. Кики снова почувствовала на глазах слезы.

Бедный Кристер. Нелепая жизнь и такая же смерть.
Совсем как у его матери.

Глава 10

– Думаю, вечером можно организовать гриль. Что скажешь?

Нора вопросительно смотрела на мужа.

Хенрик на садовой скамейке увлеченно лохматил канат. Теперь искусство изготовления канатов с бахромой почти забыто, а ведь когда-то считалось занятием, достойным настоящего мужчины, хоть бы даже и рентгенолога из больницы, в Дандерюде. Хенрика оно, во всяком случае, увлекало целиком и полностью. Особенно в те редкие минуты, когда он отдыхал на садовой скамейке.

В ожидании ответа Нора успела сорвать несколько увядших листьев с пеларгоний на столбах у калитки.

– Хенрик, – позвала она, чувствуя, как подступает раздражение. – Мог бы ответить, по крайней мере. Как насчет гриля сегодня вечером?

Хенрик поднял глаза от куска каната.

– Ты что-то сказала?

– Гриль! – почти закричала Нора. – Сегодня. Неплохо бы определиться с ужином, пока магазины не закрылись.

Взгляд Хенрика стал виноватым.

– Я обещал выпить пива с ребятами.

Нора вздохнула.

Всю следующую неделю у Хенрика были гонки. Заплы-

вы за шестое место чемпионата Европы проводились в рамках ежегодной Сандхамнской регаты, которую организовывал Королевский парусный клуб для разных видов яхт.

Хенрик плавал рулевым на «шестерке» – типовой яхте с командой от четырех до шести человек. В парусном спорте она имела древние традиции и олимпийский статус. До сих пор встречались такие раритеты, как «шестерки» из красного дерева. Владельцы берегли их как зеницу ока. Но новые экземпляры изготавливались из современных видов пластика, с применением всевозможных технических новшеств. Такова была и яхта Хенрика.

Отец Хенрика тоже плавал на такой и выигрывал чемпионаты Швеции в одной команде с бывшим председателем Королевского парусного клуба. Так что парусный спорт был традицией в семье Линде.

Но для Норы это значило на неделю лишиться мужа. Этакая временная вдова моряка или, по-современному, мать-одиночка. Сегодняшний вечер был последней возможностью собраться за ужином всей семьей. На завтра ожидали гостей, а потом у Хенрика снова начинались заплывы.

Близкая к отчаянию, Нора понизила голос:

– Разве не здорово было бы поужинать сегодня в кругу семьи, только мы и дети?

– Но я обещал ребятам, – возразил Хенрик. – Кроме того, мы должны обсудить командную тактику перед началом соревнований.

Он положил кусок каната на стол и виновато посмотрел на жену.

– Не думаю, что это так важно...

Возражать не имело смысла. Семейный ужин сорвался.

– Хорошо, – согласилась Нора. – Приготовлю что-нибудь себе и мальчикам.

Она собралась идти за лейкой, чтобы полить цветы. Дневная жара совсем высушила землю в горшочках.

– Да, и еще... – закричал Хенрик Норе в спину. – Звонила мама. Хочет приехать в понедельник посмотреть соревнования. Я сказал, что они с папой всегда у нас желанные гости.

Нора сникла. Когда в доме гостили родители Хенрика, она вертелась как белка в колесе. Харальд и Моника Линде привыкли к хорошей домашней пище и к тому, что их развлекают целый день. Поскольку Хенрик был на регате, все заботы полностью ложились на плечи Норы. Плюс, конечно, мальчики. И дом, который нужно было содержать в идеальном порядке. Когда Нора однажды попыталась объяснить свекрови, что не может везде успеть, та посоветовала нанять польку присматривать за детьми.

– Не понимаю современных матерей, которые везде стараются управиться сами, – сказала Моника Линде. – Гораздо разумнее взять детям няню. Ты должна отдыхать, моя милая.

Харальд Линде всю жизнь проработал в министерстве иностранных дел, поэтому родители Хенрика привыкли к жизни в посольских резиденциях, где уборкой занимались

горничные, а готовили повара.

Жизнь в дипломатическом корпусе наложила отпечаток на привычки.

Когда Харальд Линде, отец Хенрика, впервые увидел Томаса, то первым делом внимательно оглядел его с головы до ног, а потом спросил подчеркнуто высокомерным тоном, изогнув одну бровь:

– Не мог ли я знать вашего отца?

Но Томас, не смутившись разницей ни в возрасте, ни в статусе, только улыбнулся и протянул Харальду руку:

– Не думаю, – ответил он. – Если, конечно, вы не работали в гимназии в Ворбю, где папа преподавал математику.

Нора поспешила объяснить, что Томас – ее лучший друг с детства. А потом попыталась сменить тему разговора.

Отец Хенрика был невыносимым человеком, она всегда так считала. Но поднимать эту тему в разговоре с Хенриком было опасно.

Свекровь в этом отношении мало чем отличалась от свекра. Сухоньякая семидесятилетняя дама, Моника Линде находила высшее удовольствие в посещении различных светских мероприятий, а потом использовала любую возможность вернуть в разговор, на каком великолепном ужине она была и с какими высокопоставленными и приятными людьми встречалась. Она доминировала в любой компании, не давая никому возможности ни сказать слова, ни опомниться.

Как отец Хенрика терпел ее все эти годы, для Норы, как и для всех остальных, оставалось загадкой. Мама Норы только улыбалась, когда речь заходила о Монике Линде, и повторяла, что все мы разные и нужно стараться видеть в человеке лучшие стороны.

При этом Моника Линде боготворила единственного сына и постоянно напоминала Норе, что та вытащила счастливый билет, заполучив Хенрика в мужья. То, что дело могло обстоять с точностью до наоборот, конечно, не приходило ей в голову.

Нора давно оставила попытки найти общий язык со свекровью и взяла за правило сохранять с ней ровный, отстраненно-вежливый тон. Семейные праздники и обеды по выходным – это святое. Но видеться со свекровью чаще необходимого Нора избегала.

Что же касалось помощи с мальчиками, здесь родители Норы всегда были на подхвате. Если бы не они, у Норы и Хенрика вряд ли бы получилось свести концы с концами в будние дни. Зато Моника и Харальд Линде при встречах с внуками никогда не упускали возможности попенять им на плохое воспитание.

В общем, перспектива весь понедельник с утра до вечера ублажать свекра и свекровь заставила Нору мысленно застывать. Но делать было нечего.

– Конечно, они всегда здесь желанные гости, – она побледнела и повернулась идти в дом. – Позвони и подтверди при-

глашение от моего имени.

Глава 11

Четверг, вторая неделя

Кики Берггрен часто сидела в интернете.

Компьютер, который она купила в «Блокете»¹⁰, был подержанный и старый, но работал безупречно. Во всяком случае, достаточно хорошо для того, чтобы дать Кики возможность расслабиться.

После казино она едва стояла на ногах, но уснуть после многочасовых наблюдений за карточным столом давалось с большим трудом. Мозг слишком долго работал на полную катушку. Несколько часов за компьютером позволяли сбавить обороты. Иногда Кики заходила на страницы известных людей – помечтать о жизни, какой она должна быть. Но сегодня механически кликнула на сайт судоходной компании «Ваксхольмсбулагет». Набрала в поле поиска «Сандхамн» и посмотрела расписание рейсов от зимней гавани «Ставнес». В пятницу катера и лодки отчаливали через каждый час. До гавани ходил автобус, который отправлялся от Шлюза в десять минут двенадцатого.

Кики снова подумала о письме. Оно не шло у нее из головы всю неделю. Содержащаяся в нем информация была пропуском в лучшее будущее.

---

¹⁰ Сеть универмагов в Швеции.

Неужели она так и не решится этим воспользоваться?

После смерти Кристера остается только она, и это ее шанс. Последний, положив руку на сердце. И Кики имеет на это полное право.

Закуривая очередную сигарету, она решилась. Завтра же она отправится в Сандхамн. Все равно раньше выходных работы не предвидится. Можно будет задержаться там до воскресенья. За это время она успеет получить то, за чем приехала.

Глава 12

Пятница, вторая неделя

Катер компании «Ваксхольмбулагет» был заполнен до предела. Сразу видно, что сезон отпусков в самом разгаре. В основном, конечно, туристы. Семьи с детьми, пенсионеры с корзинами для пикника и дачники, чемодан за чемоданом перевозящие вещи в летние дома.

Никогда еще Кики Берггрен не доводилось видеть столько голубых сумок из «Икеи» в одном месте. Словно все население шхер вдруг решило упаковать в них все свои пожитки. В багажном отделении, между кадками с комнатными цветами, громоздились горы бумажных пакетов с логотипами фирмы «Виллис». Велосипеды стояли вперемежку с детскими колясками.

Кики с трудом отыскала место наверху. Немного дуло, но в сравнении с духотой нижней палубы здесь был рай. Кики села, вздохнув, и достала пачку «Принца». Оглядела мыс Ставнес – настоящий морской вокзал, обслуживающий рейсы на южные шхеры. У набережной выстроились в ряд белые лодки. Поодаль, возле бензозаправки, очередь к киоску с сосисками-гриль и мороженым. У Кики заурчало в желудке, и она пожалела, что не купила ничего поесть в дорогу.

Краем глаза она заметила еще один битком набитый автобус, пассажиры которого тут же устремились к катерам и

лодкам. Неужели шхеры смогут вместить столько народа?

Когда катер причалил к пароходному мостику в Сандхамне, сойти на берег заняло целую вечность. Очередь пассажиров медленно текла через палубы к трапу. Кики выбросила билет и неуверенно ступила на твердую почву навстречу потоку островитян, встречающих гостей. В углу причального мостика стояла груженная продуктами машина – еда и напитки вперемешку. И повсюду, соединяясь и разветвляясь, текли людские потоки. Дети бегали с рожками мороженого в руках. Бурлила жизнь возле парусников и моторных лодок.

Кики подошла к карте за причальным мостиком и остановилась, пытаясь сориентироваться. Ей нравилось в гавани. Впереди тянулся ряд темно-красных двухэтажных домов, в крайнем левом из которых располагался магазин одежды. «Товары для лета» гласила вывеска.

Слева была набережная, на которой стояло бывшее здание парусного клуба. Кики успела ознакомиться с местными достопримечательностями через бульварные газеты. Когда-то здесь проходил большой праздник по поводу парусной регаты, даже с участием королевской семьи.

Между пароходным причалом и зданием клуба было множество мостиков и лодок, всевозможных типов и размеров. Справа гавань заворачивалась полукругом, по периметру которого стояли магазины и киоски с едой. Поодаль возвышалось желтое здание с вывеской «Отель “Сандхамн”» по все-

му фасаду. Там же, судя по вывескам меньшего размера, был паб, уличное кафе и ресторан.

Для начала Кики решила подыскать подходящую гостиницу и направилась к киоску, где продавали сигареты. Когда девушка протягивала ей в окошко пачку «Принца», Кики поинтересовалась, где на острове можно недорого снять номер. Речь шла не более чем о месте для ночлега, поэтому переплачивать не хотелось.

– В «Доме миссии», – ответила юная блондинка. – У них постель и завтрак, очень хороший, кстати. В других гостиницах страшно дорого. В «Сеглархотелет» цены как в городе. Хотя там и уютно. Очень уютно.

Кики благодарно улыбнулась девушке, которая высунулась из окошка, показывая в направлении продуктового магазина.

– Отсюда метров пятьдесят, не больше. Минут пять ходьбы.

Кики подхватила сумку и пошла. Босоножки сразу покрылись пылью. Ну правильно, именно гравия и песка она и ожидала от здешних дорог.

Глава 13

– Поторопись, Хенрик! – крикнула Нора с лестницы. – Они скоро придут, а мы еще не чистили картошку.

Был вечер пятницы, Линде ждали гостей – две супружеские пары из Сандхамна и Томаса. Нора подумывала, не позвать ли еще какую-нибудь одинокую девушку, но так и не решилась.

Зимой Томас расстался с Перниллой и с тех пор даже не пытался с кем-нибудь сойтись. Причиной развода стала смерть маленькой Эмили, после которой супруги перестали друг друга понимать. При мысли об этом Нора невольно вздрагивала. Представить только. Еще несколько часов назад у тебя была трехмесячная девочка – и вот ее уже нет.

Эмили умерла ночью, во сне. Когда однажды утром Пернилла проснулась, чтобы покормить ее, Эмили лежала в кровати уже холодная. Оба родителя были в отчаянии, но Пернилле пришлось тяжелее, чем Томасу. Ее мучило чувство вины.

– Я была такая уставшая, – всхлипывала она. – Так и проспала всю ночь, вместо того чтобы заниматься дочерью. Если бы я проснулась раньше, может, Эмили была бы жива. Хорошая мать всегда чувствует, когда с ребенком что-то не так.

В конце концов эти самообвинения и разрушили их брак, и развод стал неизбежен. Томас, в отличие от Перниллы, на-

шел утешение в работе.

Нора пыталась поддержать друга детства, но он ушел в себя и стал недосыгаем даже для нее. Молчал большую часть времени, а потом и вовсе уехал на Харё.

Томас вернулся к ней только в начале лета, старый друг детства с непослушными светлыми волосами. Снова стал открыт для общения, разве прибавилось морщинок вокруг глаз да седины в шевелюре.

– Что я должен делать?

Хенрик подошел сзади. Он был в отличном настроении. Все складывалось как нельзя лучше, и Нора на время забыла о свекре и свекрови, обещавших нанести визит в понедельник.

– Свари картошки, закопти окуней, нарежь салат и приготовь ванильный крем к пирогу с ревенем.

Нора запечатлела на щеке мужа быстрый поцелуй и протянула пакет с картофелем и нож.

– А если успеешь покрасить крышу и построить забор до прихода гостей, будет совсем хорошо.

Хенрик рассмеялся.

Он был человеком света. На любой коктейльной вечеринке чувствовал себя как рыба в воде. Именно это в свое время и привлекло в нем Нору, которая была далеко не так общительна. На предложение позвать гостей Хенрик всегда отвечал согласием, мог собрать друзей неожиданно, просто так. Единственный сын в семье дипломата, он привык к подоб-

ным мероприятиям и в хорошей компании буквально расцветал.

Нора, больше любившая тесный семейный круг, иногда пыталась протестовать. Гостям всегда почет, но иногда хочется тишины. Особенно когда у тебя маленькие дети и после полубессонной ночи так тянет просто прилечь на диван и с головой накрыться одеялом. Но Хенрик оставался непреклонен. Какой отдых может сравниться с ужином в дружеской компании, говорил он. И приглашал на вечер несколько человек.

Давай, это же совсем немного. Все не так страшно, как ты думаешь.

И Нора начинала ощущать себя невыносимой занудой. В самом деле, что толку спорить с Хенриком, когда он не желает ничего слышать. Оставалось сделать все возможное ради спасения мира в доме. Нередко ужин и в самом деле получался приятным, а всего-то нужно было немного поднапрячься.

Сегодня Хенрик был явно в ударе.

– Наверное, сейчас для этого нет времени, – сказал он, – но что если мы с тобой пропустим по бокалу прежде, чем начнем?

Подмигнув Норе, он достал из холодильника бутылку «Шардоне» и наполнил два винных бокала.

Стол решили накрыть в саду, чтобы от души насладиться прекрасным вечером. К окуням Нора подала горчицу и

домашние багеты с пряным маслом. А из собранного в саду ревеня испекла пирог по старому маминому рецепту.

Вечер обещал быть чудесным.

В «Дом миссии» Кики Берггрен вернулась без сил. Тело болело, как будто она только что пробежала марафон. Она старалась не вспоминать этот холодный голос, который только что спрашивал ее, хорошо ли она подумала и отдает ли себе отчет в последствиях.

Кики сжала губы. Она заранее для себя решила, что главное – не бояться. Разве она стояла бы здесь, будь жизнь к ней чуточку милосерднее? Но Кики с детства научилась не оплакивать сбежавшее молоко. Она ненавидела беспомощность и безденежье, но еще больше – казино с его пьяными похотливыми старичками. Кики хотела другой жизни и других возможностей.

Сейчас все это казалось как никогда близким, тем более она пришла за тем, что принадлежало ей по праву – ни больше, ни меньше. Кики знала то, что знала, и на завтра они будут вынуждены прийти к какому-то соглашению, потому что последнее слово все еще не сказано.

Еще одна ожесточенная затяжка. Кики извела три спички, прежде чем получилось закурить. В отеле, скорее всего, запрет на курение в номерах, но ей наплевать. Кики попробовала представить себе, как она выглядит со стороны, и, сжав зубы, отогнала прочь неприятный образ.

Женщина средних лет – слишком узкие джинсы и слишком длинные волосы, цвет которых, помимо прочего, позволяет скрыть седину. Дама, которая хочет выглядеть на тридцать пять и которой на самом деле почти на пятнадцать лет больше.

В казино она старше всех и многим крупье годится в матери. Между тем большинство юных коллег рассматривают эту работу как временную, самое большее на несколько лет. Эти пьяные старички-транжиры не стоят того, чтобы тратить на них жизнь.

«Дом миссии» стоял рядом с желтым зданием школы. Дорога заняла меньше пяти минут, как и говорила девушка из киоска.

Менеджер долго уверяла Кики, как той повезло. Бронь сняли буквально только что – и вот один из пяти номеров оказался свободен. Кики взяла ключ и поднялась на второй этаж. Интерьер в старинном стиле, кружевные гардины – комната выглядела вполне уютной. Кики распаковала те немногие вещи, которые взяла с собой, и прилегла на кровать, пытаясь собраться с мыслями. Снова и снова прокручивала в голове предстоящий разговор. Она решила на этот шаг, но все равно не чувствовала в себе уверенности.

Когда пришло время идти, отыскала менеджера, чтобы спросить у нее дорогу. Но та толком ничего не знала, потому что сама недавно переехала на Сандхамн. Кики это не

слишком испугало, она почти не сомневалась, что разберется сама. Остров не настолько велик, чтобы можно было заблудиться.

В действительности все оказалось несколько сложнее, чем она рассчитывала. Но в конце концов девочка возле пекарни объяснила, куда нужно идти. Было уже три часа.

Кики постучалась в дверь. Открыли далеко не сразу, после того, как она уже собралась уходить. Кики представилась, и ее впустили. Ее визит стал полной неожиданностью. И она, конечно, не была здесь желанной гостьей.

После того как Кики объяснила, зачем явилась, в комнате стало тихо. Холодные серые глаза, смотревшие на Кики, не выдавали никакой определенной реакции. Только молчание, в которое погрузилась комната, словно накрытая чугунной крышкой. И которое становилось все более неприятным и удушающим.

Кики сглотнула пару раз и облизнула губы. На какое-то мгновение ей подумалось, не слишком ли она далеко зашла. В незнакомой обстановке ей стало не по себе. Интерьер был совсем не в ее вкусе, Кики как будто оказалась в параллельном мире.

В этот момент она произнесла главную фразу:
– Кристер мертв, я хочу свою долю.

Кики смотрела перед собой, стараясь не выдавать нервозности. Сжала в кулак руку, так что ногти впились в кожу. Моргнула от боли, но виду не подала.

– Нам совсем не обязательно быть врагами, – ответил холодный голос. – Позвольте чем-нибудь вас угостить, и мы продолжим эту тему.

Кики Берггрен замерла на месте. Судя по звуку, доносившемуся с кухни, там открывали шкаф. Потом зазвенел фарфор.

Она обвела взглядом комнату, примыкавшую к просторной столовой с огромным обеденным столом в центре. Вокруг стола она насчитала двенадцать стульев, вдоль стен стояло еще четыре. Вид на море открывался фантастический. Казалось, стоит только протянуть руку, и она коснется воды.

Очнувшись, Кики снова встретила взгляд настороженных серых глаз.

– Хотите чаю?

Кики увидела перед собой наполненную до краев чашку.

– Вы хорошо подумали? – спокойно спросил голос. – Советую вам подумать еще, пока не поздно.

Глава 14

В ванной Томас разглядывал себя в зеркале – жалкий тип. Непохоже, что он собирается насладиться приятным вечером в компании семейства Линде. Он прибыл на Харё около шести часов. Час спустя его ждали на Сандхамне, а нужно еще побриться и принять душ.

Дом Томаса на Харё стоял неподалеку от моря. Родители купили его в пятидесятые годы, задолго до того, как летние дома в шхерах вошли в моду. И несколько лет назад выделили обоим сыновьям по участку.

На половине Томаса стоял старый сарай. Порядком потрепанный, но удачно расположенный почти у самой воды, с живописной развесистой березой неподалеку.

Такой домик идеально подошел бы семейству с детьми.

После ремонтных работ сарай превратился в симпатичный дом с большими окнами и открытой планировкой. На мансарде оборудовали спальню. Узкая дорожка от входной двери спускалась к причальному мостику, возле которого поставили садовую мебель, чтобы можно было посидеть вечером. Дом полностью поглощал все свободное время и деньги. Зато и получилось все так, как они хотели.

А потом семья распалась. Они не успели прожить здесь вместе и одно лето. Поскольку летний дом Томас унаследовал от родителей, дележ имущества не вызвал больших про-

блем. Пернилла получила квартиру в городе, а Томас участок на Харё. Это было так логично, естественно и справедливо.

И в то же время так невыносимо.

После развода Томас взял «двушку» в Густавсберге. Это казалось удобным, дорога до полицейского участка занимала всего двадцать минут. Но в Густавсберге он не чувствовал себя дома. Только здесь, на Харё.

Томас достал из шкафчика в ванной бритву и мыло и налил теплой воды. Положа руку на сердце, он не испытывал ни малейшего желания садиться в лодку и отправляться на Сандханм. Но Нора пригласила его несколько недель назад, и Томас не хотел огорчать ее отказом, тем более почти накануне ужина.

– Давай же, Томас, – говорила Нора. – Тебе не повредит немного развеяться на свежем воздухе. Нельзя же все время работать или торчать на Харё. Иногда нужно и с людьми общаться.

И она, конечно, была права, но боже, как тяжело ему это давалось...

Томас опустил за туалетный столик с бритвой в руке. Иногда самое трудное – сделать первый шаг.

Последние пятнадцать месяцев его жизни выдались такими, что Томас не пожелал бы подобного и заклятому врагу. Ночами он видел Эмили и мучился от собственного бессилия. А днем не решался идти на работу, потому что боялся

показать коллегам свою слабость. Их с Перниллой брак распадался на глазах, и Томас ничего не мог с этим поделать.

После развода он еще долго избегал общества. Не то чтобы теперь ему были нужны другие люди, просто потребность в одиночестве всегда оказывалась сильнее.

Почти все дневное время он посвящал работе. Томас потерял счет вечерам, которые допоздна просиживал в полицейском участке. Но темные пустые коридоры действовали на него успокаивающе.

Одиночество исцеляло, хотя, если бы не коллеги, он вряд ли пережил бы это. Подъем с кровати каждое утро оборачивался мучительной борьбой с самим собой. Тем не менее Томас брал на себя все больше. Вызывался делать все, что только было можно. А потом часами сидел над протоколами и рапортами, как будто взял на себя обязательство так или иначе отметить в каждом расследовании.

И боль стала отступать. Ее место занимала усталость, одолевавшая Томаса все больше. Он не знал, что с этим делать. Весь день был чем-нибудь занят, а вечером падал на кровать без сил.

Последние полгода он спал больше, чем всю предыдущую жизнь. Каждый вечер только о том и мечтал, чтобы лечь и забыться. И словно никак не мог насытиться этим бессознательным состоянием.

Только в апреле, когда вернулось солнце, Томас постепенно стал оживать. Долгими майскими ночами он отдыхал, на-

полняясь силами. День за днем, ночь за ночью – и дышать, к его собственному удивлению, стало легче. Но расстояние между ответственным полицейским, стремившимся несмотря ни на что выполнить свой долг, и просто Томасом Андреассоном, который всего-то хотел, чтобы его оставили в покое, не стало меньше.

Сейчас он сидел в ванной и пытался собраться с силами. До начала ужина оставалось совсем немного. Томас поднялся и взял флакон с жидким мылом. Сдержанно улыбнувшись своему отражению, провел бритвой по щеке.

Кики Бергтрен оглядела гавань, на которую уже опускались сумерки.

Во рту все еще ощущался неприятно-терпкий привкус чая. Выходит, она не потянула даже на кофе, только на это мутное пойло.

Кики хотела было отдохнуть в номере, но была слишком возбуждена, поэтому уже через час встала. Надела куртку и спустилась в гавань. Ей нужно было что-нибудь выпить, желательно покрепче. Немного еды тоже совсем не помешало бы. Кики прошмыгнула по лестнице, стараясь не попадаться на глаза разговорчивому менеджеру. Ей было о чем поразмыслить наедине с собой.

Столики снаружи выглядели очень уютно, но приблизившись, Кики поняла, что все места заняты молодежью. Полуголые девицы в больших солнечных очках сидели рядом с

раскрасневшимися парнями с маслянисто блестящими зачесанными назад волосами.

Похоже, здесь в почете было розовое вино. Во всяком случае, на каждом столе лежал подстаканник со словами: «Think pink, drink pink»¹¹. Кики вспомнилось «Матеуш Розе» – когда она училась в гимназии, это вино тянули в каждой подворотне. Кики поежилась. Оно и тогда-то не казалось ей особенно вкусным, что уж говорить о сейчас. А похотливых пьяниц Кики вдоволь насмотрелась на Косе. Сейчас все это было тем более ни к чему.

Кики огляделась в поисках альтернативы. В другом конце гавани находился отель «Сандхамн», выглядевший куда пристойнее. Кики развернулась и пошла к двери с вывеской «Паб».

Открыв ее, Кики оказалась в полной темноте, а, когда глаза адаптировались, разглядела просторное помещение с темными деревянными панелями на стенах и уютной атмосферой. За коричневой барной стойкой молодой человек с длинными волосами, убранными в «хвост», делал заказ. Вокруг, то там, то здесь, за вытянутыми столами сидели мужчины и женщины перед наполовину пустыми бокалами. Людей было мало. Темный зал – не то место, куда стремятся по-летнему одетые туристы в такую погоду.

За окном целая толпа терпеливо дожидалась, когда освободится место за столиком снаружи. Но то, что было внут-

---

¹¹ Думай в розовом цвете, пей розовое (англ.).

ри, подходило Кики гораздо больше. Ей требовалось некоторое время побыть в покое, да еще хоть чем-нибудь заесть отвратительный привкус во рту. На стене висела исписанная мелом доска с предложениями. Кики устроило бы любое из перечисленных, но она выбрала жаркое и большую кружку пива.

Взяв пиво, устроилась в углу, подальше от барной стойки. Сняла куртку и положила на стул рядом. Потом вытащили из сумочки зеркальце и расческу, которой несколько раз провела по длинным волосам. Сунув расческу в нагрудный карман куртки, по старой привычке нащупала в сумочке пачку сигарет, – прежде чем вспомнила, что в Швеции действует запрет на курение в публичных местах.

Краем глаза Кики заметила мужчину, который заказал у стойки пиво и, взяв бокал, направился в ее сторону. Кики улыбнулась. Это получилось у нее почти бессознательно, сказались долгие годы работы в казино. Собственно, парень ей сразу понравился. Возраст около сорока, худощав. Застиранная голубая футболка и джинсы, на ногах спортивные туфли. Волосы не мешало бы подстричь, но выглядели они чистыми. Кики вдруг захотелось с кем-нибудь поговорить. Когда их с мужчиной взгляды встретились, она облизнула губы и приоткрыла рот.

– Садись сюда, – Кики показала на стул рядом.

И приглашающе улыбнулась, когда он сел.

– Живешь здесь?

Он поднял глаза от пива и кивнул.

– Ммм... У меня на острове дом.

– Летний дом?

– Нет, я живу в нем постоянно. Я родился на острове и прожил здесь всю жизнь.

Он поднес бокал ко рту. Кики придвинулась ближе.

– Меня зовут Кики.

– Юнни.

Он протянул было руку, но потом раздумал и ограничился кивком.

– Чем занимаешься? – спросила Кики.

– Всем понемногу – столярничаю, рисую... так, помогаю туристам.

Юнни сделал хороший глоток и промокнул рот тыльной стороной ладони. Когда поставил бокал на стол, немного пива пролилось, но Юнни этого будто не заметил.

– Что рисуешь?

Кики интересовалась жизнью на острове. Кроме того, ей требовалось разогнать тягостные мысли.

– Разное. Пейзажи в основном.

Он смущенно хихикнул. Потом достал карандаш из заднего кармана, взял салфетку и несколькими штрихами изобразил Кики в профиль. Получилось потрясающе. Юнни удалось не только схватить черты ее лица, но и настроение. И всего-то за несколько секунд.

Он протянул портрет ей.

– Прощу. Можешь оставить себе.

– Как здорово... – искренне восхитилась Кики. – Это и есть то, чем ты занимаешься?

– Не совсем. Летом я больше плотничаю. В загородном доме всегда полно работы, а люди в отпуске хотят отдохнуть. Поэтому и платят хорошо. В общем, все в порядке.

Юнни криво улыбнулся, как бы в подтверждение своих слов.

К столику приблизилась блондинка с подносом. Поставила перед Кики тарелку и положила нож и вилку, завернутые в салфетку. Смотрелось, во всяком случае, аппетитно – поджаренное яйцо сбоку и много тертой свеклы. Официантка привычным движением приняла у Кики пустой бокал и приветливо улыбнулась:

– Хотите еще чего-нибудь?

Кики выжидательно посмотрела на Юнни. Тот выглядел довольным, немного смущенным, даже немного заинтересованным. В нем было что-то щенячье, и это импонировало Кики. Она перегнулась через стол, отбросив прядь с лица, и кокетливо улыбнулась:

– Угостишь пивом? Наверняка тебе есть что рассказать о том, как проводят на острове вечер пятницы. Я здесь впервые.

Глава 15

Получилось именно то, что Нора называла чудесным вечером на Сандхамне.

Судя по доносившимся с разных сторон звукам, соседи тоже наслаждались ужином на свежем воздухе. Где-то вдалеке пела Дина Вашингтон, и при этом было так тихо, что можно было расслышать жужжание шмеля. Ласточки летали в небе высоко, и это тоже было хорошим знаком. Девять вечера, а тепло еще не спало. Филе окуня получилось превосходным. Когда приступили к десерту, разговор перекинулся на недавнего утопленника.

– Как продвигается расследование? – поинтересовался Хенрик.

– Ну... – замялся Томас, – похоже, это все-таки была ненастоящая смерть. Несчастный случай. Судя по всему, он свалился в воду с финского парома. Они ведь курсируют здесь каждый вечер.

Томас взял кусок пирога с ревенем и продолжил:

– Он был одиночка – ни семьи, ни родителей, ни друзей, которые могли бы его опознать. Единственной родственницей остается кузина. Они довольно тесно общались, тем не менее... жалкая участь, если мне будет позволено так выразиться.

В ту же секунду Томас пожалел о сказанном. Параллели

с его собственной жизнью были слишком очевидны. Ни семьи, ни детей... Почти сорокалетний холостяк в двушке, он в этом плане мало чем отличался от покойного. Что давало ему право называть участь Кристера Берггрена «жалкой»?

– Почему же ты считаешь, что это была ненасильственная смерть? – спросил Хенрик, передавая миску с ванильным кремом.

Вопрос вернул Томаса к действительности. Ему не без труда удалось собраться с мыслями.

– Нет ничего, что указывало бы на противоположное. Он утонул. Единственной странностью остается канат, петлей обвязанный вокруг тела. Но мы не ставим перед собой цели объяснить все. Эта деталь может вообще ничего не значить.

– Канат?

Хенрик вопросительно посмотрел на Томаса.

– Да, что-то вроде корабельного каната было петлей обвязано вокруг тела. Но это нам ничего не дало, и канат из самого обычного материала.

– У него имелись причины самому свести счеты с жизнью? – спросил Хенрик.

Томас покачал головой:

– Не думаю. Предсмертной записки мы так и не нашли. Хотя наверняка сказать трудно...

– А что с рыболовной сетью? – спросила Нора.

– Ничего. Правда, на ней обнаружена бирка с инициалами. Но, честно говоря, это ни о чем. Похоже, тело случайно

запуталось в сети, когда опускалось в воду. В шхерах многие расставляют сети, так что в этом нет ничего удивительного.

Хенрик наклонился вперед и перестал жевать, боясь пропустить хоть слово.

– И что за инициалы?

– «Г. А.», но и они вряд ли что-нибудь нам дадут.

Нора задумалась:

– Есть на острове кто-нибудь с такими инициалами?

Томас пожал плечами:

– Не думаю, что это имеет хоть какое-нибудь значение.

Сеть может принадлежать кому угодно в этой части архипелага. Почти все говорит в пользу несчастного случая.

– И что это значит?

– Что дело будет закрыто. Так всегда делается, если нет подозреваемых в совершении преступления.

– И у тебя начнется отпуск? – перебила Нора, выливая остатки вина в бокал.

Томас кивнул.

– Совсем скоро, я надеюсь. Думаю разобраться со всем этим в течение недели, а потом опять на Харё.

– Твои родители уже там? – спросила Нора.

– Конечно. Они переехали в Вальборг. Вышли на пенсию и теперь, похоже, больше времени проводят на острове, чем в городе.

При упоминании о родителях лицо Томаса просветлело.

– Они все время советуют мне брать отпуск пораньше, но

я предпочитаю отдыхать под конец туристического сезона. Я приеду, когда я приеду.

Он поднял бокал, призывно глядя на Нору:

– Спасибо за прекрасный вечер!

Глава 16

Суббота, вторая неделя

Утром, отмывая с подноса остатки кофе, Нора думала о том, что вечер удался на славу. Компания пребывала в прекрасном настроении. Они засиделись во дворе до полуночи и даже не замерзли. Кроме того, сегодня суббота. А значит, наконец-то детей не нужно собирать в школу плавания. Утром им с Хенриком даже удалось немного понежиться в постели. Насколько это вообще возможно, имея шестилетнего сына.

– Эй, парни, – она повернулась к Адаму и Симону, – как насчет небольшого сюрприза папе? Давайте отнесем ему на мостик кофе.

Хенрик у воды чинил рыболовные сети. Работа требовала терпения и времени, поэтому чашка кофе была как нельзя кстати.

Нора и мальчики простояли почти пятнадцать минут в очереди за булочками. Похоже, весь Стокгольм выехал на эти выходные в шхеры. С другой стороны, не такая уж большая жертва – немного поболтать в очереди перед живописной пекарней. Во дворе крашенные белой краской чугунные столики и стулья ждут посетителей, которые пожелают насладиться выпечкой прямо здесь.

Эта пекарня была открыта еще в восемнадцатом веке знаменитым Рейнхольдом Сундбергом, председателем общины

Экнё Хемман и вообще замечательным парнем. В то время заведение славилось популярными «корабельными сухарями», которые, помимо прочего, доставляли на плавучие маяки.

Хенрик был целиком и полностью поглощен работой.

По обе стороны причального мостика были вбиты столбы с крюками. На них развешивали сети, чтобы при помощи деревянной рейки очистить от водорослей и прочего морского мусора. Древняя техника, которая до сих пор применялась в шхерах.

Хенрик управился почти с половиной работы. Водоросли кучками лежали у его ног. Он снял майку и орудовал рейкой в одних шортах, тем не менее по спине струился пот.

Адам бросился помогать папе. Хенрик часто брал его в море расставлять сети, и это очень нравилось мальчику.

Сразу у моста Нора и Хенрик оборудовали небольшой дворик. Скамейка, стол с двумя стульями – главное, чтобы было где посидеть у воды. Тут же стояла на причале семейная лодка – немудреная штуковина с подвесным мотором, иначе называемая «дурчальником». Она была достаточно вместительна не только для совершения семейных морских прогулок, но и, при случае, для доставки в шхеры туристов, опоздавших на последний рейсовый катер с мыса Ставнес.

– Мы принесли тебе кофе, – сказала Нора Хенрику.

И принялась накрывать на стол. Мальчики пили сок из яр-

ких пластиковых чашек. Нора невольно вспомнила вчерашний разговор.

Мобильник зазвонил, когда она сидела возле бассейна и ждала Симона с урока плавания. С Норой хотел говорить директор по персоналу. Последняя реорганизация банка предполагала собственного юриста в каждом из четырех региональных отделений – северном, южном, центральном и восточном. Что скажет Нора, если ей предложат должность в южном отделении?

Южный филиал находился в Мальмё, поэтому согласие означало переезд. Но кроме того – значительное повышение зарплаты и не менее значительный шаг в карьере. Нора чувствовала себя польщенной. Звучало, что и говорить, заманчиво. Прежде всего Нора увидела в этом возможность помянуть шефа – единственное, пожалуй, что не устраивало ее на нынешнем месте.

Директор центрального филиала Рагнар Валльстен занял высокий пост в достаточно молодом возрасте, после того как его предшественник неожиданно перевелся в конкурирующий банк. По мнению Норы, Валльстен явно не справлялся со своими обязанностями. К тому же был высокомерен и имел привычку говорить гадости о коллегах за их спиной.

Пока другие юристы, сбившись с ног, составляли договоры и улаживали конфликты, Валльстен, закрывшись у себя в кабинете, читал «Дагенс Индустри». Это хорошо было видно за стеклянными стенами. Краем уха Нора слышала, что

жена шефа происходит из известной финансовой семьи. Это отчасти объясняло его комплекс неполноценности, но ни в коей мере не оправдывало полного отсутствия лидерских качеств. Как такой человек мог попасть на высокую руководящую должность, для всего банка оставалось большой загадкой. Как те, кто его назначил, могли не заметить его некомпетентности?

Поэтому на душе у Норы теплело при одной мысли о том, как она войдет в кабинет Рагнара Валльстена и объявит о своем повышении. Директор по персоналу сообщил, что все претенденты на должность будут проходить собеседование с сотрудниками внешней кадровой фирмы «Санделин и Ко». Если Нора заинтересована, им передадут ее контакты.

Нора представила себе, как скажет об этом Хенрику. Переезд в Мальмё наверняка не был пределом его мечтаний. С другой стороны, переехала же Нора на Висбю, после того как Хенрику предложили там место. И потом еще сидела дома с обоими мальчиками, пока супруг повышал квалификацию. Теперь подошла ее очередь, только и всего.

Симон вернул Нору к действительности, бросив ей в ногу шмоток водорослей.

– Прекрати! – закричала Нора. – Они такие холодные...

Симон рассмеялся всем лицом и наклонился за новой порцией. Нора подняла обе руки:

– Сдаюсь, сдаюсь... – запричитала она, прежде чем мальчик успел сделать очередной бросок.

И тут их отвлек гул лодочного мотора. Нора прикрыла от солнца глаза, вглядываясь в даль. Конечно, это был Томас на своем алюминиевом «Бустере». Он стоял за рулем, теперь Нора отчетливо это видела. Описав полукруг, Томас сбавил скорость и причалил к краю мостика.

– Привет! – Он протянул ей руку.

– Ты подросел к самому кофе, – сказала Нора. – Сейчас принесу еще одну чашку.

– К сожалению, не могу.

Томас выглядел озабоченным.

– Я всего лишь хотел оставить здесь лодку на некоторое время. В гавани полно полицейских катеров, и медики тоже уже причалили.

Нора вгляделась в лицо Томаса. Что-то пугающе серьезное залегло на дне его глаз.

– Что случилось?

– Найден еще один труп. И я здесь опять по работе.

Нору изнутри прошиб холод.

– Труп?

– В «Доме миссии». Его обнаружила горничная, когда убиралась в номерах. На теле следы побоев. Ничего, если я оставлю здесь лодку на несколько часов? Честно говоря, не знаю, когда смогу забрать ее снова.

– Конечно, можешь, и ты это знаешь.

Взгляды Хенрика и Норы встретились, и почти одновременно супруги повернулись к детям, игравшим на берегу.

Нора не могла поверить услышанному.

Два трупа за неделю? На Сандхамне, да еще в самый разгар ее летнего отпуска? Это казалось невероятным. Норе, по крайней мере, которая даже дверей не запирала, когда уходила из дома. Она подавила импульс вцепиться в мальчиков обеими руками и держать, никуда не отпуская.

Когда же наконец все это закончится?

Глава 17

Томас Андреассон быстрым шагом входил в ворота белого здания «Дома миссии».

Оно находилось под холмом, на котором стояла церковь, рядом со школой. Расстояние до причального мостика Норы не превышало половины километра. Не будь между ними других строений, Нора могла бы видеть «Дом миссии» из окна своей кухни.

Когда в конце девятнадцатого века архипелаг захлестнула волна свободных религиозных общин, люди стали собираться в этом похожем на церковь здании. Это был первый модельный дом на Сандхамне. Хотя островитяне с восемнадцатого века не раз подавали прошение открыть у себя церковь, попытки отклонялись одна за другой вплоть до того момента. Тогда община насчитывала от сорока до пятидесяти активных членов.

Но с некоторых пор «Дом миссии» служил отелем и одновременно конференц-залом при отеле «Сандхамн». В большом молитвенном зале проходили торжественные обеды и праздники. Это был очень красивый дом, скромный, но стильный. Отмеченный, так сказать, печатью благородной старины.

И вот теперь на его втором этаже обнаружили труп.

Томас коротко кивнул знакомым полицейским в форме,

открыл ворота посреди белого штaketника, обрамлявшего прилегавший к дому участок. Под парадной лестницей стояли садовые столы и стулья, вазы с анютиными глазками, яркими пятнами выделявшимися на унылом фоне газона, где, как и на остальном острове, был только песок да торчащие из него стебли сухой травы.

Входная дверь стояла нараспашку, и Томас быстро поднялся по лестнице в холл. В гулком помещении слышались всхлипывания и возбужденные голоса. Войдя, Томас увидел заплаканную женщину в углу на стуле. Рядом стояла еще одна, на вид постарше, и пыталась успокоить бедняжку, хотя и сама тоже плакала. В прихожей уже был один полицейский.

– Это Анна ее обнаружила.

Женщина постарше показала на ту, которая сидела на стуле.

– Когда убиралась в четвертом номере, – добавила она.

Томас направился к горничной, которая раскачивалась на стуле из стороны в сторону, ломая руки. Судя по опухшему, покрасневшемуся лицу, она плакала довольно долго. Томас задался вопросом, имеет ли смысл ее допрашивать. Вряд ли вытянешь что-нибудь разумное из человека в таком состоянии. Он повернулся к другой женщине, которая выглядела более спокойной.

– Томас Андреассон, полиция Наки. Вы здесь работаете?

– Меня зовут Кристина, я здесь менеджер.

Сильный славянский акцент успел пробиться прежде, чем

она закончила фразу. Нижняя губа дрожала, но женщина глубоко вдохнула и продолжила, возвысив голос:

– Это так ужасно... Как могло у нас такое случиться?

Она отвернулась, прикрыв рукой рот.

Томас достал блокнот и ручку. Всхлипывания горничной между тем стали приглушеннее и перешли в невнятное бормотание.

– Можете сказать, когда был найден труп? – обратился Томас к менеджеру.

Та снова повернулась к нему, а потом посмотрела на часы на светлой стене:

– Мы позвонили в полицию при первой возможности, – ответила она. – Это было не более тридцати-сорока минут тому назад. Анна много раз стучалась в четвертый, но никто не отзывался. Под конец остался неубранным только этот номер.

– Дверь была заперта? – спросил Томас женщину на стуле. Заплаканная горничная кивнула.

– Да, я воспользовалась своим ключом.

– У вас есть другие постояльцы?

Менеджер испуганно закивала.

– Все номера забронированы, но сейчас в отеле никого нет. Постояльцы вернутся вечером.

На ней был яркий передник со следами муки. Мучные разводы на руках свидетельствовали о том, что совсем недавно женщина занималась выпечкой хлеба. В конце большо-

го зала была кухня, судя по тому, что открывалось за приоткрытой дверью со старинной массивной ручкой.

Томас решил для начала заглянуть на второй этаж. Лучше всего, конечно, было бы сразу со всем этим покончить. Он оглянулся на коллегу, на вид лет тридцати с небольшим.

– Можете показать дорогу в номер?

Полицейский пошел впереди. Томас последовал за ним по лестнице в узкий коридор. Дверь в четвертый номер стояла приоткрытой.

Войдя, Томас увидел человеческое тело, неестественно застывшее в позе эмбриона. В комнате уже стоял удушающе-сладковатый запах тления, еще не перешедший в невыносимую вонь.

Томас огляделся. Кружевные гардины, сосновые панели на стенах – интерьер был оформлен в старинном романтическом стиле. На бюро стояла маленькая ваза с цветами, на стене висела картина в золоченой раме, изображавшая парусник в море. В окна лился солнечный свет. Контраст между атмосферой уютного пансионата в шхерах и трупом на кровати не мог быть более разительным.

Томас приблизился и отметил припухлость на правом виске, кровоподтеки и царапины вокруг. Немного крови засохло на ухе и в волосах. Вглядевшись в лицо, он понял, кто лежит перед ним – Кики Берггрен, кузина Кристера Берггрена. Томас наклонился. Направленные на него глаза глядели в пустоту. На Кики ничего не было, кроме красных трусов.

Грудь безжизненно лежала на матрасе. Одеяло отброшено в сторону, вещи валялись на полу. И никаких следов пребывания в номере другого человека.

В джинсовой сумочке, брошенной возле кровати, обнаружился бумажник и водительские права, подтверждавшие личность покойной. Томас достал мобильник и набрал номер отделения в Наке.

– Это Томас. Я осматриваю труп. Нужно проследить, чтобы он был в приоритете у судмедэкспертов. Похоже, нашу версию смерти Кристера Берггрена придется пересмотреть. Здесь лежит его мертвая кузина. Со следами побоев, помимо прочего.

Когда в «Дом миссии» прибыла команда криминалистов, время близилось к полудню. Место преступления было оцеплено по всем правилам. По просьбе полиции менеджер предоставила список всех постояльцев. У Томаса даже получилось провести нечто вроде допроса свидетелей, но ничего нового он не услышал.

Менеджер не особенно обрадовалась известию, что отныне весь «Дом миссии» рассматривается как место преступления и подлежит тщательному осмотру. А в бывшем номере Кики Берггрэн вообще нельзя ничего трогать, тем более убираться.

Остаток дня пролетел как в горячке. Криминалисты делали все, чтобы собрать как можно больше так называемо-

го «биологического материала». Трудно было выдвинуть какую-либо разумную версию произошедшего, поскольку на момент обнаружения тела дверь в номер была заперта, а следы борьбы отсутствовали. Кроме разве той, что Кики Бергрэн была убита где-то в другом месте.

Но Томас опасался делать поспешные выводы.

Посоветовавшись с шефом регистрационного центра, он решил взять в местном отделении еще одну комнату в качестве штаб-квартиры расследования. Очевидно, что для продолжения работы следствию понадобится постоянное помещение на Сандхамне. Расследование перешло в качественно новую стадию.

Глава 18

«Это черт знает что», – ругался Юнни Альмхульт.

Настойчивый стук в дверь не прекращался. Между тем как голова оставалась тяжелой, как кирпич, а шершавым языком можно было драить материнскую плоскодонку.

Похоже, вчера Юнни уснул в чем был поверх одеяла. С трудом оторвал голову от подушки. Юнни не имел ни малейшего представления ни о времени суток, ни о своем местонахождении.

Протянув руку за будильником, опрокинул бутылку. Буро-желтая жидкость растеклась по полу и впиталась в ковер. Юнни выругался и снова упал на подушку.

Стук в дверь повторился.

– Прекратите же, я иду.

Слова вырвались из горла вместе с хрипом, похожим на воронье карканье.

– Юнни, Юнни... – раздалось за дверью.

Он узнал голос матери.

– Ты дома?

– Успокойся, мама. Я иду.

Юнни сел со стоном, перебросив ноги через край кровати. Потом встал и поковылял к двери. Открыв, встретил изучающий взгляд матери и стыдливо провел рукой по небритой щеке.

– Почему не открывал? – спросила мать. – Я давно здесь стою.

И продолжила, прежде чем Юнни успел ответить:

– Ты имеешь представление, который сейчас час? Третий полудни... Как ты вообще можешь спать, когда на острове творится такое?

Юнни смотрел на мать и ничего не понимал. О чем она говорила? Единственное, чего ему сейчас хотелось, это пойти и залечь снова.

Но Эллен Альмхульт не унималась.

– Ты что, ничего не слышал? Они нашли еще один труп. Мертвую женщину в «Доме миссии».

Юнни сглотнул. Проклятая голова, с чего бы ей так гудеть...

Он ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть, и почувствовал на затылке стекающую струйку пота.

– Как она выглядела?

Какой хриплый, болезненный голос.

– Я немного поговорила с Кристиной, ну, той, новенькой, что с весны заправляет в отеле. Она вне себя от ужаса.

Юнни схватил мать за плечи:

– Как она выглядела, я спрашиваю?

– Успокойся, что с тобой... Ей лет пятьдесят, как я слышала, прибыла на остров вчера. Длинные светлые волосы... Ну, как выглядят все нормальные люди?

Юнни застонал.

Боже мой...

– Послушай, мама, мне нехорошо. Я пойду прилягу, ладно?

– Ты как твой отец.

Эллен сжала губы, Юнни с детства знал эту ее гримасу. Она появлялась на лице матери всякий раз, когда он или отец делали что-нибудь не так.

Отец всю жизнь так и прожил под неодобрительным взглядом жены. И теперь эта же участь грозила его сыну.

– Потом поговорим, – мрачно пробурчал он.

– Не понимаю тебя, – возвысила голос Эллен. – Совершенно не понимаю.

Полоска губ стала еще уже.

– Мама, дорогая, оставь меня в покое ненадолго, хорошо?

– Этот алкоголь сделает тебя инвалидом, попомни мои слова.

Она подняла указательный палец и медленно перевела его на Юнни. Губы беззвучно зашевелились, и Юнни замер в ожидании готового обрушиться на него словесного потока.

В этот момент он понял, что сейчас упадет.

– Уходи, – прохрипел он. – Потом поговорим.

Едва ли не вытолкнув мать на лестницу, Юнни запер дверь и опустился на пол.

Он чувствовал собственное несвежее дыхание. Смешанный с табаком кислый запах застарелого пива. Страх комом стоял в горле. Язык распухшей массой лежал во рту. Юнни

нужно было чего-нибудь выпить, чтобы успокоиться и привести в порядок мысли.

Он пошел на кухню, открыл холодильник и достал пиво. Прислонившись к мойке, осушил целую банку. Выбросил в мусорный пакет. Напряг мозга, пытаюсь вспомнить вчерашний вечер. Всплывали только разрозненные фрагменты, и то не четко.

Эту девицу он подцепил в пабе. Вместе пили пиво, после того как Юнни сел за ее стол. Потом спросил, не хочет ли прогуляться. Они взяли куртки и расплатились. Солнце к тому времени уже зашло, но было довольно светло.

Они пошли к нему домой, благо совсем недалеко от отеля. Юнни помнил, как отпер дверь и впустил ее. Она осмотрелась и сказала что-то насчет его цветов.

Расположились перед телевизором на диване. Юнни принес пива из холодильника. Она достала сигареты и спросила, не хочет ли и он закурить.

Сама курила одну за одной и жаловалась на боли в желудке. Так много жаловалась, что чуть не натерла в его ушах мозоли. Оба к тому времени были в стельку. Юнни придвинулся к ней поближе, уверенный, что она его поняла.

И все было бы хорошо, стоило ей только его послушать. Казалось бы, чего проще – сделать, как он просил.

Чертовски просто.

Глава 19

«Можно ли провести летний субботний вечер лучше, чем в стенах полицейского отделения, в компании коллег, собравшихся на следственное совещание?»

Так думал Томас, мрачно вглядываясь в свои записи и приходя к неутешительному выводу, что выходные, по крайней мере у него, судя по всему, испорчены.

Пока криминалисты обследовали место преступления, он по мобильнику информировал Маргит о развитии ситуации.

Новости ей не понравились. А потом Дедушка решил назначить совещание на семь часов вечера субботы. Томасу оставалось достаточно времени, чтобы закончить работу на Сандхамне и вернуться на материк. Сейчас он сидел за коротким концом стола в комнате для совещаний. Справа заняла место Маргит, а за ней Карина. Оба молодых полицейских, Калле Лундвалль и Эрик Блум, тоже были вызваны в отделение, несмотря на выходной.

Дедушка резюмировал ситуацию:

– Итак, мы имеем жертву преступления, убитую, судя по всему, сильным ударом в голову. И она приходится кузиной утопленнику, вынесенному на берег на Сандхамне меньше двух недель назад. Мы по-прежнему ничего не можем утверждать, но никаких свидетельств в пользу версии самоубийства Кристера Берггрена до сих пор не найдено. В пользу

версии убийства, впрочем, тоже. На установление же причины смерти Кики Берггрен нам потребуется как минимум несколько дней. Судмедэксперты обещали сделать все возможное, но у них нехватка людей из-за летних отпусков.

– А что связывало кузена и кузину с Сандхамном? – спросила Маргит. – Они всегда отдыхали там летом?

С первого взгляда было понятно, как Маргит нужен отпуск. Она выглядела уставшей и разве слегка загорелой. И вся так и искрилась нетерпением, словно Маргит совсем не заботили два нераскрытых убийства. Она хотела только, чтобы все это разрешилось как можно скорее, чтобы получить наконец долгожданную свободу от работы и этого отделения.

Томас провел рукой по коротко стриженным волосам, прежде чем ответить:

– Я не знаю. На сегодняшний день не имеется никаких свидетельств связи между Кики и Кристером Берггренами и Сандхамном. Но то, что кузина была найдена мертвой на том же самом острове, что и кузен, вряд ли случайность. Мы должны проверить все мыслимые варианты возможной связи. Посмотрим еще, что удастся обнаружить дома у Кики Берггрен. Ничто из найденного в квартире ее кузена не имеет никакого отношения к острову.

Дедушка прокашлялся.

– В любом случае, на этот раз у нас убийство. Маргит, ты назначаешься руководителем следственной группы. Томас, ты заместитель Маргит. Эрик и Калле на подхвате. Карина

помогает по мере необходимости.

Карина повернулась к Томасу:

– Это ведь так только говорится, да?

И кокетливо поправила волосы. Она единственная в комнате улыбалась.

Маргит громко вздохнула и нахмурилась:

– У меня отпуск с понедельника, как ты знаешь. Мы сняли дом на западном побережье.

– Маргит, у нас два смертельных случая, из которых по крайней мере один с большой вероятностью убийство.

Но Маргит уже встала на тропу войны. Она никогда не сдавалась сразу. И сейчас сражалась за свою свободу, как будто речь шла о всей жизни, а не четырех неделях в июле, когда температура воздуха на взморье в лучшем случае колеблется вокруг двадцати градусов по Цельсию.

– И еще у меня две дочери-подростка и муж, за которого я, между прочим, тоже отвечаю. Ты когда-нибудь слышал о балансе труда и отдыха? Мне нужен отпуск. Я провела в этих стенах целый год, как тебе известно.

Она смотрела Дедушке в глаза, размахивая ручкой. Он смотрел на нее не менее пристально.

– Могу я внести предложение? – подал голос Томас.

Дедушка и Маргит прекратили перестрелку глазами и повернулись к нему.

– Если Маргит не отключит свой мобильник, я мог бы, по крайней мере, начать расследование. В случае необходимо-

сти она ведь всегда может сесть в машину и доехать до отделения. Я свой человек на Сандхамне и согласен подождать с отпуском пару недель.

Маргит призывно оглянулась на шефа, который вздохнул, прежде чем ответить вслух:

– Когда я пришел работать в полицию, мы ничего не знали ни о каких балансах. Просто работали, пока преступление не было раскрыто.

Он замолчал, опустив глаза перед воинственным взглядом Маргит.

– Но давайте вернемся к предложению Томаса. Маргит, ты можешь ехать, но будь готова объявиться, когда потребуется. Ты несешь ответственность за ход следствия. А пока будете общаться с Томасом по телефону.

На лице Маргит проступило выражение облегчения:

– Разумеется, Томас, звони мне, когда будет нужно. На всякий случай я дам тебе и мобильник мужа. А сейчас мы с тобой набросаем план действий на ближайшее время...

Она благодарно подмигнула Томасу, собирая бумаги со стола, и встала.

– Все будет хорошо, – заверила Маргит, очевидно, обращаясь к Дедушке, повернулась на каблуках и вышла из комнаты.

Пока Маргит и Томас составляли план работы на несколько дней вперед, снаружи успело стемнеть.

Итак, Калле Лидвалль и Эрик Блум уже утром отбывают на Сандхамн собирать информацию. Томас присоединится к ним в течение дня. Вечером – анализ собранного материала. Карина сидит за компьютером и дополняет картину данными из интернета. Поскольку более шестидесяти процентов убийств в Швеции совершается знакомыми жертвы, нужно составить представление о среде, в которой жили и работали кузен с кузиной. Методично пройтись по всему их окружению и с каждым, по возможности, установить контакт. Сложить пазл, в котором проступят очертания людей, предположительно имевших мотив.

Сразу после выходных собрать сведения о счетах, кредитных картах и тому подобном. Уму непостижимо, сколько всего нужно, чтобы разобраться с тем, как человек использовал свою кредитку.

Сандхамнской группе предстоит расписать, чем занималась Кики Берггрен последние двадцать четыре часа своей жизни. В котором часу прибыла на остров, где побывала и с кем общалась. Далее следует навести справки о всех, кто так или иначе с ней встречался. Связаться с судоходной компанией «Ваксхольмсбулагет» и водным такси. Возможно, ее запомнил кто-то из команды или знает, куда она направилась, сойдя на берег.

Каждое свидетельство, пусть даже самое невнятное, может послужить раскрытию преступления.

Но прежде всего Томас осмотрит ее квартиру.

Дом – немая история жизни хозяина. Он может многое рассказать о характере и привычках человека, его друзьях и врагах. Если повезет, найдется что-нибудь, что поможет пролить свет на связь Кики с Сандхамном.

Помимо прочего, Томасу нужно найти ее фотографию. Паспортный снимок мало чем поможет, когда они пойдут в обход по квартирам. Поразмыслив, Томас решил взять с собой Карину. В таком деле хорошо иметь рядом девушку. Она может заметить то, что ускользнет от его внимания. Ведь Томас всегда плохо понимал женщин и никогда не обольщался на этот счет.

Это была одна из тех горьких истин, которые он понял благодаря Пернилле, прежде чем их развод стал неопровержимым фактом. Томас вошел в ванную, где стояла Пернилла с детским подгузником в руке. Должно быть, его не заметили, когда собирали вещи после Эмили.

– Это не моя вина, – сказала Пернилла, сделав ударение на слове «моя». Ее полные ужаса глаза блуждали, как будто в этот момент она ненавидела мужа.

Очень может быть, что так оно и было.

Томас словно провалился куда-то.

– Я никогда не винил тебя, – ответил он.

Она подняла на него потухшие глаза, уголок рта дернулся:

– Ты не замечал меня последние шесть месяцев. Ни слова не сказал больше необходимого, ни разу не коснулся меня. В тех редких случаях, когда ты на меня смотрел, я видела

в твоих глазах осуждение. Я знаю, что ты обо всем этом думаешь.

Пернилла быстрым движением вытерла хлынувшие из глаз слезы.

– Это не моя вина, – повторила она осипшим голосом. – И меня не должно это беспокоить.

Пропасть между ними была слишком велика, чтобы ее можно было преодолеть при помощи слов. Да их и не было у Томаса. Он никогда не умел говорить вслух о своих чувствах. Теперь же внутри все и вовсе оказалось заперто, и Томас не имел в себе силы даже на попытку высказаться.

Он как никто понимал Перниллу, которая нуждалась в подтверждении своей невиновности. Но каждый раз, когда он в очередной раз собирался ей об этом напомнить, слова застревали в горле.

Потому что где-то в глубине души залегла убежденность в том, что в смерти Эмили кто-то виноват. Каждый раз, когда в памяти возникал образ маленького безжизненного тела, Томас чувствовал в себе потребность кого-то обвинить. И если не Перниллу, тогда кого?

Он продолжал мучиться сомнениями. Вот уже в который раз спрашивал себя: что, если Пернилла проснулась бы той ночью? Она кормила грудью, поэтому должна была почувствовать, что с дочерью что-то не так. Томас понимал, что его рассуждения нелогичны, но снова и снова приходил к этому выводу. Как могла она спать, когда рядом умирал ре-

бенек?

Это был последний раз, когда они говорили об Эмили, а спустя пару недель Томас уехал в шхеры. Развод прошел быстро. Если есть дети моложе шестнадцати лет, супругам дают время подумать. У них детей не было.

Томас резко поднялся. Провел рукой по лбу, прогоняя мысли. Что толку переживать это снова и снова? Сколько раз он ни вспоминал последние часы жизни Эмили, ничего, кроме боли, это не приносило.

Томас устало вздохнул и подошел к окну, на ходу разминая затекшую спину. От мостика отчаливали патрульные катера. Как хотелось бы ему оказаться сейчас на месте рулевого!

Он отвернулся от окна и перевел глаза на бумаги на столе. В любом случае, у него есть расследование, которым нужно заниматься.

Глава 20

Воскресенье, вторая неделя

Когда в воскресенье Томас вернулся на Сандхамн, он имел при себе фотографию Кики Берггрен. И это было единственное, что они с Кариной нашли в квартире Кики, когда отправились туда рано утром.

Кики Берггрен жила неподалеку от своего кузена, в таком же высотном доме в Бандхагене. Ее не слишком просторная трешка отличалась удачной планировкой и была хорошо обжита, в отличие от квартиры Кристера.

Она состояла из спальни, гостиной и небольшой столовой.

В гостиной был компьютерный угол с телевизором, диван, ночной столик. И повсюду кипы еженедельных газет с фотографиями королевской семьи и всевозможных звезд, вроде Дэвида Бекхама и его жены. Похоже, Кики интересовалась жизнью знаменитостей.

Книжный шкаф из «Икеи» – у Томаса стоял такой же, но другого цвета, – как и у Кристера, был набит журналами и фильмами. Только на верхней полке Томас заметил немного книг. Похоже, Кики куда-то уезжала. В прихожей стояла неразобранная дорожная сумка, а на мебели лежал тонкий слой пыли.

Томас заглянул в ее компьютер и электронную почту, но не нашел там ничего, кроме обычной девической болтовни

и всем известных интернет-шуток, которыми обмениваются пользователи социальных сетей.

Несколько страниц было обнаружено в закладках. Томас просмотрел их, отметив, что Кики заглядывала на сайт судоходной компании «Ваксхольмсбулагет». Возможно, интересовалась расписанием судов до Сандхамна.

Остальные закладки не дали ничего. Ни сохраненных документов, ни ссылок, ни малейшего намека на ее связь с Сандхамном – ничего, что могло бы помочь расследованию. Включая информацию, которая пролила бы свет на цель визита Кики на остров.

«Что ей там понадобилось?» – спрашивал себя Томас, присаживаясь на край кровати в спальне. Покрывало было светло-зеленым, подушки гармонирующих расцветок сложены посередине постели. На ночном столике пепельница с окурками.

В кабинете Томаса Кики ни словом не обмолвилась о предстоящей поездке, тем не менее отбыла на Сандхамн двумя днями позже. То есть у нее была причина не говорить об этом. Наверняка целью ее визита был конкретный человек. Или люди, вряд ли речь шла только об отдыхе. Но почему она не посвятила Томаса в свои планы?

Или уже тогда понимала, что стоит за смертью Кристера?

Карина осмотрела гардероб и ванную. Много одежды из «Н&М» и «КаррАhl». Черные юбки с белыми блузами, свидетельствующие о профессии крупье.

В ванной, как и следовало ожидать, много кремов для лица и прочей «продукции красоты». На стиральной машине полная корзина грязного белья, которым Кики, очевидно, рассчитывала заняться позже. Пакет с презервативами в шкафчике, упаковки альведона и стрепсила. И множество назальных капель всевозможных марок. Карина задалась вопросом, как это может быть связано с затхлым запахом от бельевой корзины в ванной?

О крупье и казино Карина знала не так много, но подозревала, что речь идет не о самой здоровой рабочей среде.

Томас также не имел обо всем этом ни малейшего представления.

Спустя некоторое время Карина снова окликнула инспектора и показала картонную коробку, которую нашла в гардеробе.

– Смотри, здесь старые фотографии и альбом.

Томас склонился над коробкой, в которой и в самом деле оказалось много снимков, в основном черно-белых. Он взял несколько наугад, просмотрел.

– Знаешь, кто это?

Вытащил фотографию молодой женщины, показал Карине.

– Нет.

– Это мать Кристера Берггрена, тетя Кики.

Карина взяла снимок, взгляделась.

– Какая красивая... Как кинозвезда пятидесятих годов.

Другая фотография представляла пару новобрачных.

– Наверняка родители Кики, – сказала Карина. – Видно, что жених родня девушке с первой фотографии.

Томас перевел взгляд с одного снимка на другой.

Похоже, жених чувствовал себя не совсем комфортно в праздничном костюме, зато невеста так и сияла от счастья. Прическа по моде пятидесятых – аккуратные локоны и много лака. Подвенечное платье совсем простое, но элегантное. В руке небольшой букетик роз.

Томас вынес коробку на кухню, чтобы как следует изучить ее содержимое. Обнаружилось множество снимков Кристера и Кики, начиная с детских. Ни он, ни она так и не повзрослели толком. На старых фотографиях Кристер выглядел угрюмым подростком, глядевшим в камеру из-под низкой челки. Не особенно радостным.

Зато Кики в этом возрасте была симпатичной темноволосой девочкой и разве совсем чуть-чуть перебарщивала с косметикой. Но и она на более поздних фотографиях не выглядела счастливой женщиной. Ее щеки быстро обвисли. Вместо смешливых морщинок вокруг глаз пролегли глубокие печальные складки от уголков носа.

Судя по всему, Кики Берггрен долгое время жила одна. Во всяком случае, ничто ни в ее квартире, ни в содержимом электронной почты не указывало на наличие более-менее постоянного спутника жизни. В морозильной камере отыс-

кался пакет «Виктвактера»¹² с обедом на одного человека. В целом кухня была обставлена без роскоши.

Типичная одинокая берлога на краю столицы, более шестидесяти процентов населения которых не имеют собственной семьи.

И сам Томас один из них.

Он вспомнил себя и Перниллу, когда они были счастливы и все еще женаты. Когда ждали Эмили и строили планы на будущее. Думал ли он тогда, что спустя всего несколько лет превратится в такого же одиночку под сорок? И будет ходить к могиле, чей крохотный размер даже меньше надгробия, чтобы мучиться вопросом, что за ошибку он совершил?

Или чья это была ошибка?

Сколько ни напоминал себе, что пора двигаться дальше, что надо уметь оставлять прошлое позади, это ничего не меняло. Он просто не представлял себе, куда идти.

Карина тронула инспектора за руку и озабоченно посмотрела ему в лицо.

– Пойдем, здесь больше нечего делать.

Встретившись на Сандхамне с Калле и Эриком, Томас уяснил суть ситуации, после чего они вместе наметили дальнейшие шаги и распределили работу.

Эрик продолжал опрашивать жителей, а Томас и Кале взяли на себя обход пабов, ресторанов и магазинов. Начать ре-

---

¹² «Виктвактер» – программа по снижению веса в Швеции.

шили с северных районов и с той стороны постепенно приблизиться к плавучему ресторану.

В отеле «Сандхамн» портье только покачал головой. Заходила ли Кики в паб, он сказать затруднялся. Бармен и официантка, которые работали в пятницу, были наняты на время летних отпусков и приезжали только на выходные. Их не ждали на острове раньше пятницы. Томас взял номера их мобильных, но тут же сообразил, что звонить бессмысленно. Он должен встретиться с этими людьми, чтобы показать им фотографию Кики. С небольшой долей вероятности, он выйдет на них в Стокгольме. Тогда и пригласит для беседы в участок.

Они продолжали опрашивать персонал магазинов и всевозможных кафе и баров в окрестностях гавани. Всего Томас насчитал одиннадцать точек, где можно было что-нибудь купить или съесть. Не так плохо для маленького острова в открытом море.

Только на выходе из плавучего ресторана Томаса осенило – старый отель в гавани, восстановленный несколько лет назад под названием «Санд-отеля», что сразу за продовольственным магазином!

Томас повернулся к Калле:

– Послушай, мы с тобой кое-что пропустили. Нужно вернуться к «Санд-отелю» и расспросить там.

Калле нагнулся, чтобы вытряхнуть из обуви песок, уже, наверное, в десятый раз.

– Сколько же здесь песка, – проворчал он. – Я думал, на шхерах много сосен и камней, и никак не ожидал увидеть здесь подобие пустыни Сахара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.